

Демьян Бедный

Слава

БЗ
Р 34719

изд.
гослитиздат
москва. 1945

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

С Л А В А

*Слава нашему народу!
Слава нашему вождю!*

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1945*

ОРЛЯТА

Героическая повесть

Сказала мать: укройся в яму!
Сидел там Фролка до утра.
Вчера до полусмерти маму
Избила злая немчура.
Проклятый немец! Хуже волка!
Проник сторожко к маме Фролка.
Она в хатёнке на полу
Лежала, скорчившись, в углу.
Рубахи, взбухнувшей от крови,
На ней коробились клочки.
Фрол по-отцовски сдвинул брови,
До боли сжавши кулаки.
Отцовский, вправду, был он слепок;
Широк в плечах, присадист, крепок,
В свои незрелые года
Был он мальчонка хоть куда.

Окинув взором домовито,
Что в хатке цело, что разбито,
Фрол возле матери седой
(Ещё вчера лишь молодой)
Засуетился деловито.

К ней фельдшер, живший невдали,
Был позван Фролкой под секретом,
Да добрым делом и советом
Мальцу соседки помогли.

*

Не узнавал никто мальчонку:
Завидя немца, он сиял,
Пред ним почтительно стоял
И робко мял в руках шапчонку, —
Во всём лице сквозила лесть
И даже в рыжих завитушках.
Казалось, он считал за честь
В огонь для подлых немцев лезть
И быть у них на побегушках.
Прить у него взялась отколь?
Где мог он этого набраться?
Лишь кликнут немцы, он — «я вошь!»,
По-русски значит: «рад стараться!»
При похвале немецких рож:
— Ты, мальчик, есть карош, карош! —
Он весь в улыбке растворялся.

А ночь придёт — он ухитрялся
Вдруг из села прыжком одним,
Как рысь, исчезнуть, и за ним
На сутки-двое след терялся.
— Мальца, — в народе слух внедрялся, —
Как будто дьявол подменил! —
Но партизан, суровый Нил,
О нём развеял слух нелестный:
— Молчите!.. Мальчик — нам известный:
Пошёл характером в отца,
Красноармейского бойца:
Отважный, сметливый и честный!

*

С недетской думою в очах,
Тая недетскую заботу,

На неокрепнувших плечах
Фрол нёс опасную работу.
В отрепьях, с нищенской сумой
Он часто летом и зимой
Ходил под видом побирушки
В прифронтовые деревушки
И в каждой заводил дружка
С начинкой доброй и просолкой.
Так вербовался член кружка,
Организованного Фролкой.
— Слышь, — ухмылялся Фрол хитро, —
Ты понимаешь ли, Васятка?
Мы — «партизанское бюро».
С тобой нас будет — два десятка.
Клянусь: — За Родину, за Русь
Готов итти на смерть и муку! —
Торжественно поднявши руку,
Васятка отвечал: — Клянусь!

*

«Бюро» работало на славу,
Осуществляя переправу
Из тыла вражьего бойцов,
Смотря по силе и по ранам,
Иль через фронт, иль к партизанам
В места глухие, в глубь лесов.
По деревушкам, в полной тайне,
Остерегаясь немцев крайне,
«Бюро», устроив скрытый лаз
В необитаемую нору,
Одёжу разного подбору
Укрыло от немецких глаз.
Иному русскому герою,
Чтоб путь пройти к родному строю,

В одёжу разного покрою
Влезать случалось сколько раз!
«Бюро» приобрело сноровку
Вести искусно маскировку,
Имея даже прозапас —
Могла сгодиться в нужный час! —
Немецкую обмундировку.
Ребятам целый год везло.
Устроив «дело» без оплошки,
Ребята хлопали в ладошки:
— Фрол, переправленных число,
Чай, до трёхсот уж доросло! —
Фрол отвечал: — На то похоже.
Самим хвалиться всё ж не гоже...
Есть посерьёзнее дела...
Кто мост взорвёт... Кто штаб обшарит...
Постой немецкий кто поджарит
Так, чтоб обуглились тела...
Кто коменданта пулей свалит...
Товарищ Сталин нас похвалит —
Вот это будет похвала!

*

Трещал мороз. Земля остыла.
Но что мороз для удальцов?
В штаб наш армейский шесть бойцов
Пришли из вражеского тыла.
Военный, чёткий разговор,
Как донесенье эстафетки.
Бойцов расспрашивал майор,
Начальник фронтовой разведки.
— Как шли?
— К реке через Чёрный бор,

Потом рекой до поворота.
— Когда вы фронт прошли?
— Вчера.
— Кто вывел к фронту?
— Детвора.
— Понятно. Фролкина работа.
Видали Фролку самого?
— Нет.
— Немцы сцапали его?
— Нет. У него без перебою.
Учуял во-время беду.
С родной простившись избою,
Он, захвативши мать с собою,
Ушёл у немцев на виду.
— Куда?
— Другой работой занят:
Боец от головы до пят,
Он сам и часть его ребят,
Сказать поистине — орлят,
С большим успехом партизанят.
— А немцам-то...
— Не понутру.
Теперь с опаскою бандиты
Подходят к каждому двору.
— Сердиты?
— Мало, что сердиты,
А мерзко злы и ядовиты:
Пустились вешать... детвору!
— Публично?
— Да. Чтоб все глядели.
— Стращают?
— Не прошло недели,
Как коменданта поутру
Нашли зарезанным в постели.

Работа Фролки, говорят.
Кто ж, как не он, проворный Фролка,
Как в сено рыхлое иголка,
Проник в карательный отряд!
— Не с ветра слух. Его работа.
Теперь пойдёт за ним охота, —
Сказал майор, потупя взгляд,
Задумавшись, вслух планы строя, —
Минутки тут не упусти!
Мы, чтоб сберечь стране героя,
Его обязаны спасти! —
И, пред майором в струнку стоя,
Бойцы ответили — все шесть, —
По форме отчеканив:
— Есть
Сберечь для родины героя! —
И отдали майору честь.

НАШИ ДЕТИ

*Повесть*¹

Гремели пушки за горой.
Служа в депо «Орёл второй»,
Отец в тот день, такой угарный,
Был в рейсе: вёл состав товарный.
Да, машинист он был — герой.
Остались под немчурою
Мать с Таней, младшей их сестрою,
И вот они — два огольца,
Два разудалых молодца.
Спаستись Володе и Серёже
С Танюшей было б можно тоже.
Но как больную мать спасти!
Мальцы — взялась где сила! Чудо! —
Её пытались унести,
Но шибко сделалось ей худо.
Туда, сюда... А немчура
Уже галдела у двора.

Семья забилась в тёмный угол.
Но от немецких серых пугал
Сначала было полбеда:
Рвались немцы до еды.
Уж до чего же жрать здоровы!
Семья лишилася коровы,

¹ В повести рассказывается о фактах, имевших место в г. Орле.

И боровка, и кур. Ну, что ж!
На то и немцы. Дело ясно.
Лишь покосись — они за нож.
С такими в спор вступать опасно.
Фронт от Орла ушёл вперёд.
В Орёл явились немцы-бесы
С особым прозвищем — «эсэсы».
Тут до людей дошёл черёд:
Повсюду обыски, облавы,
Людей хватали для расправы.
Кто попадал в немецкий ад,
Не возвращался уж назад.

В семье Серёже и Володе
Пришлось быть на́большими вроде
И хлопотать насчёт еды,
Ходить в тайник на огороде
Так, чтоб не выдали следы.
В ту зиму был жестокий холод.
На рынок — в довершение бед —
Привоза не было. «Обед»
И «хлеб» — сменило слово «голод».
Людей пошло во-всю косить.
Всплошную семьи вымирали.
Покойников не убирали:
Их было некому носить.
Семья Володи и Серёжи
До лета всё же дожила.
Денёчки летние погожи,
В избытке света и тепла
Да и с едою тож поправка.
Хоть не заменит хлеба травка,
Голодным вкусен всякий злак.
Перебивались кое-как.

За летом осень вновь сырая,
За нею вслед зима. Вторая.
Свалил и мать и Таню мор.
Немецкий ставленник, квартальный,
Фрол Сукин, пьяница и вор,
Гад безобразный и нахальный,
Ввалился с руганью во двор,
Пристал к Володе и Серёже:
— Больных скрывать! Вы это, что же,
Пошли на это, знать хочу,
С ума большого или сдуру!
Сейчас же марш в комендатуру,
Объявку сделайте врачу!—
Врач дал лекарство без отказа:
— Вот капли. Свалит всю заразу. —
От этих капель — верно! Да! —
Мать с Танечкой заснули сразу,
Заснули сразу — навсегда!
Отраву матери и Тане
Дал врач. Каких ещё улик!
Ведь немцы знали всё заранее:
Пришёл в предутреннем тумане
К воротам крытый грузовик.
В него забросили два трупa,
А домик — ладный, не халупа —
Был подожжён. Сгорел дотла.
Сгорело их гнездо родное,
Осталось сироток двое
И без семьи, и без угла.

Пришлось — в зимнюю-то пору! —
На огороде лезть им в нору.
(Картошка, благо, в ней была.)
Там и ютились до тепла.

Пошли меж тем у нас на фронте
Великолепные дела.

Ярились немцы: их не троньте,
Не отдадут назад Орла!

Шли их полки на фронт и роты.

Но уж в Орле огонь лизал

Столбы немецкие. Вокзал

Громили наши самолёты.

Повеселел в Орле народ:

— Слышь, наша сила верх берёт! —

Пустились немцы в эту пору

Хватать орловцев без разбору.

Людей ловили день и ночь,

Чтоб их в Германию волочь.

Пришлось Серёже и Володе

Сидеть всё время в огороде,

Не вылезая из норы,

Густой покрывшейся крапивой.

Но тут их, выпялив шары,

Накрыл квартальный шелудивый:

— Хе-хе! Укрылись от жары!

Ну, вылезайте, комары! —

Мальцы подумали: «Пропали!»

Так на вокзал они попали,

Где пред погрузкою в вагон

Загнали их в людской загон.

В загоне уймища народу,

Все, как опущенные в воду,

У всех, видать, на сердце лёд.

— Сбежать! — вздохнул Володя.— Дудки!

Забор. Сторожевые будки.

У каждой будки пулемёт.

Всполох был ночью. Две сестры ли,
То ль две подружки — раз и раз! —
Себе ножами жилы вскрыли.
— Жаль, нету ножичка у нас! —
Мальцам хотелось сделать то же,
Но передумали: не гоже!
Дрожит немецкий гарнизон,
Уж наши близятся, похоже,
Так умирать какой резон!
Устроить с жизнью-то разлуку
Всегда успеется.

— Ай-ай! —

Горел костёр, и невзначай
Ожёг себе Серёжа руку.
Тут повели два брата речь:
— А ведь не плохо б руку сжечь.
У немцев на здóровых виды.
На кой им леший инвалиды!
— Давай сожжём. Прямой резон! —
А подходил уж эшелон.
Девиз два брата торопили,
Костёр плотней бы обступили.
Ручонку, как кувшин гончар,
Володя первый сунул в жар.
Шипя, растрескалася кожа.
Но изо всех крепяся сил,
Губу Володя закусил,
Успев сказать: — Терплю, Серёжа.
Я маме с Таней подносил
Рукою этою отраву.
Казню теперь её по праву!

Володя муку перевозмог,
В костре с минуту руку жёг,

Не вынимал её оттуда,
Пока ему не стало худо.
Очнувшись, носом потянул:
— Запахло жареным. Забавно! —
На брата ласково взглянул:
Серёжа был испуган явно,
Едва ворочал языком:
— Володя... ты... — И тихо хныкнул. —
Володя, ты меня... силком...
И рот зажми... чтоб я не крикнул.
— Силком. И рот тебе зажми.
Я ж однорукий, в толк возьми.
Девицы, может, вы... Готовы:
Разрؤмились! Годны на что вы!
Хотите всполошить народ,
Завывши всеми голосами!
Ложись, Серёжа... Мы уж сами... —
Володя, в ход пустив живот,
Зажал собой Серёже рот
И придержал его ручонку.
Потом хвалил его: — Ну вот!
А то... изобразил девчонку! —
Перед погрузкой в эшелон
Явился офицер в загон.
Уродство мальчиков приметя,
Сказал: — Зашем нам эта детя! —
И приказал: — К шертям их! Вон!

Два мальчика, родных два брата,
Лежат в палатке медсанбата.
При возвращении Орла
Их наша часть подобрала.

Они и в ласке, и в привете.
О них прописано в газете
По чистой правде, без прикрас.

*Ну, есть ли где ещё на свете
Такие дети, как у нас!!*

ДОЧУРКА

Здесь был разбойный стан коричневой орды.
Неистовству врагов здесь не было предела.
Злодеи изгнаны. Остались следы
Незабываемо-преступного их дела.
Рыдает девочка. Она осиротела.

 Пред ней клочок родной земли.
Убита мать её. Убийц жестоких двое
Сестрицу старшую с собою увели.
Отец — она о нём слыхала, о герое —
Он в партизанах был и весть прислал зимой,
Что немцев крепко бьют и вскорости, похоже,
К семейству своему вернётся он домой.
Не знает девочка, где он теперь, мы — тоже.
Но не останется ребёнок сиротой,
Мы приютим его, таков наш долг святой,
И в тихий час, к его склоняся изголовью,
Согреем ласкою своею и любовью.

МЕСТЬ

Легенда

С грустной матерью, ставшей недавно вдовой,
Мальчик маленький жил в Верее под Москвой.
Голубятник он ласковый был и умелый.

Как-то утром — при солнечном первом луче —
Мальчик с голубем белым на левом плече
Вдруг без крика на снег повалился, на белый,
К солнцу лик обернув помертвелый.
Вечным сном он в могиле безвременной спит.
Был он немцем убит.

Но о нём — неживом — пошли слухи живые,
Проникая к врагам через их рубежи,
В их ряды, в охранения сторожевые,
В их окопы и в их блиндажи.

*

По ночам, воскрешённый любовью народной,
Из могилы холодной
Русский мальчик встаёт
И навстречу немецкому фронту идёт.
Его взгляд и презреньем сверкает и гневом,
И, всё тот же — предсмертный! — храня его вид,
Белый голубь сидит
На плече его левом.

Ни травинки, ни кустика не шевеля,
Через минные мальчик проходит поля,
Через колюче-стальные проходит препоны,
Через окопы немецкие и бастионы.

— Кто идёт? — ему немец кричит, часовой.

— Месть! — так мальчик ему отвечает.

— Кто идёт? — его немец другой

Грозным криком встречает.

— Совесть! — мальчик ему отвечает.

— Кто идёт? — третий немец вопрос задаёт.

— Мысль! — ответ русский мальчик даёт.

Бражьи пушки стреляют в него и винтовки,

Самолёты ведут на него пикировки,

Рвутся мины, и бомбы грохочут кругом,

Но идёт он спокойно пред пушечным зевом,

Белый голубь сидит на плече его левом.

Овладело безумие лютым врагом.

Страх у немцев сквозил в каждом слове и взгляде.

Была самых отпетых разбойников дрожь.

— С белым голубем мальчика видели...

— Ложь!

— Нет, не ложь: его видели в третьей бригаде.

— Вздор, отъявленный вздор!

— Нет, не вздор.

Мальчик...

— Вздор! Уходите вы к шуту!

— Вот он сам! —

Мальчик с голубем в ту же минуту

Возникал, где о нём заходил разговор.

С взором грозным и полным немого укора

Шёл он медленным шагом, скрестив на груди

Свои детские руки.

— Уйди же! Уйди! —

Выла воем звериным фашистская свора.

— Ты не мною убит! Я тебя не встречал!

— И не мной! — выли немцы, упав на колени.

— И не мною! — Но мальчик молчал.

И тогда, убоявшись своих преступлений
И возмездья за них, немцы все — кто куда,
Чтоб спастися от кары, бежать от суда, —
И ревели в предчувствии близкого краха,
Как на бойне быки, помертвевши от страха.
Страх охватывал тыл, проникал в города,
Нарастая быстрее повальной заразы.
По немецким войскам полетели приказы
С черепными значками, в тройном сургуче:
«Ходит слух — и ему не даётся отпору, —
Что тревожит наш фронт в полуночную пору
Мальчик с голубем белым на левом плече.
Запрещается верить подобному вздору,
Говорить, даже думать о нём!»
Но о мальчике русском всё ширилась повесть.
В него веры не выжечь огнём,
Потому — это *месть*,

это *мысль*,

это *совесть!*

И о нём говорят всюду ночью и днём.
Говорят, его видели под Сталинградом:
По полям, где судилось немецким отрядам
Лечь костями на холодной, на снежной парче,
Русский мальчик прошёл с торжествующим
взглядом,
Мальчик с голубем белым на левом плече!

**БОЙЦЫ ЗА РОДИНУ,
ВАМ РАВНЫХ НЕ НАЙТИ!**

Поэмы сказочной часть первая готова.
Захватывает дух от боевых страниц!
Чрез сотни городов, селений и станиц
От Сталинграда до Ростова
Победный пройден путь. Ростов—советский снова!
Вот это — *блиц!*

На фронте, а верней — в Берлине,
Вращая бёльмами и тяжело дыша,
Фашистский фюрер — где он ныне
Со страху корчится, проклятая душа!

«Философ» мюнхенско-трактирный,
Разбоя дикого состряпав план обширный,
Усвоил, чай, теперь пивною головой,
Конец провальный видя свой,
Что *славный наш народ—народ*
на редкость мирный,
Но и на редкость — боевой.

Что всем, кто рабством нам грозил и униженьем,
Он, рабских не терпя оков,
Отважно отвечал всегда — спокон веков —
Разгромом и уничтоженьем
— Всех до последнего! — несчётных их полков.

На нашей улице победный праздник! Слово
Сбылось вещее! Ликует стар и млад.
Двойною радостью народ советский рад:
Два наших города врага изгнали злого:
Ростов и Ворошиловград!

Раскатом громовым звучит сегодня снова:
— Преступному врагу от кары не уйти! —
*Бойцы за Родину, вам равных не
найти!*
*Какая славная заложена основа
Победоносного дальнейшего пути!*

Громите ж варваров фашистских без пощады!
Пусть знают злые псы, судьбе своей не рады,
Как мы за Родину стоим!
*Раздавленные впредь грозить нам
эти гады*
Закажут правнукам своим!

ВОЛК-МОРАЛИСТ

Басня

«Воздушные бомбардировки городов противоречат законам этики».

Заявление немецкого генерала авиации Кваде

Расскажем басенку, тряхнём... не стариной.

*

У деревушки у одной
На редкость лютей волк в соседстве объявился:
Не то, что, скажем, он травой не кормился,

А убивал ягнят

Или телят,—

Нет, он свирепостью был обуян такую,

Что людям не давал покою

И яростно грибной и ягодной порой

Охотился за детворой.

Не диво, что вошёл волк этот лютей в славу:

Мол, вепрю он сродни по силе и по нраву,

И в пасти у него впрямь бивни, не клыки.

Засуетились мужики.

На волка сделали облаву.

— Ату его! Ату! — со всех сторон кричат.

Лишася вскорости волчихи и волчат,

Волк стал переживать, как говорится, драму:

— У мужиков коварный план.

Того и жди беды: не попадёшь в капкан,

Так угораздишь в волчью яму...

Нагрянут мужики... Возьмут тебя живьём...

Какой бессовестный приём!..

Бить будут!.. Насмерть бить!.. —

Волк жалобным вытьём

Весь лес тут огласил, из глаз пуская жижу:

— И уверял ещё меня какой-то враль,

Что, дескать, у людей есть этика, мораль!

Ан этики у них как раз я и не вижу!

САЛЮТ МОСКВЫ

Москва, восторженно немая,
Прильнула к радио, словам вождя внимая.
Слёз радостных двойной алмаз
Исторг из благодарных глаз,
Столице в сердце проникая,
Вождя торжественно-волнующий приказ.

Звучат слова. Они — бессмертны и крылаты.
Кремлёвские часы бьют полночь. Блеск огней.
Москва приветствует бойцов: гремят над ней
Орудий пушечных громовые раскаты.

На улицах — московский люд.
Всех охватил восторг великий,
И раздаются всюду клики
В честь победителей: *салют!*

КИНЖАЛ

Как Гитлер яростно визжал:
Его дела — не надо краше!
«Орловский клин» в его руках «кинжал,
И он направлен — в сердце наше!

Мы вырвали из рук врага орловский клин.
Не будем ждать, пока всем время растолкует,
Куда вонзит кинжал советский исполин.
Но признак, роковой для немцев, есть один:
Орёл и Белгород у нас, Москва —
ликует,
И содрогается — Берлин!

НАД ХАРЬКОВОМ ВЗВИЛОСЬ РОДНОЕ НАШЕ ЗНАМЯ!

События идут закономерным ходом.
Враг тщетно силится — зарвавшийся игрок! —
Замедлить, отдалить расплаты близкий срок.
Перед фашистским подлым сбродом
Встаёт неотвратимый рок.

Над Харьковом взвилось родное наше знамя,
И засверкала вновь советская звезда,
Он снова наш, он снова с нами,
Освобождённый — навсегда!

Враг защищается. Он в иступленьи лютном.
Но мощь его потрясена.
И победителей торжественным салютом
Приветствует Москва и вместе с ней страна!

Пусть Харьков разорён, пусть он — полуруина,
Неповреждённого пусть нету в нём угла,
Но в нём родная *Украина*
Залог победы обрела.

Победа наша стала зримой,
И истиной звучит уже неоспоримой,
Что гибелью врагу грозит обратный путь,
И в страхе чудится его орде смятённой,
Что ей не избежать воды студёной
В своей «Березине» глотнуть!

ЗВЁЗДЫ ВЕЧНОЙ СЛАВЫ

В честь победителей и мастеров войны
От имени родной страны,
Всех городов её и самой дальней хаты,
По всей Москве гремят и вдаль разнесены
Салюта мощные раскаты,
И звёздной россыпью, распространяя свет,
В ночную синь небес взвились огни ракет.

Незабываемо-волшебная минута
Сменяется другой. И пушки уж молчат,
Но в сердце музыкой победною звучат
Раскаты гордого салюта!

Уж нет огней ракет, но синий небосвод
Весь в звёздной россыпи, бессмертно-величавы,
Свершают звёзды в нём свой лучезарный ход,
И сердцем чувствует восторженный народ:
То — звёзды вечной нашей славы!

ЗА НАМИ — РОДИНА СТОИТ!

Россия, — слово о тебе,
О сказочной твоей судьбе,

О мощи, губительной для наглых сумасбродов,
Пытавшихся грозой грабительских походов
Сжечь всё, что в доблестном твоём стоит гербе,
О крепости твоих стальных основ и сводов,
О героическом, испытанном в борьбе,
Содружестве твоих народов!

Многоплемённая великая семья!

В едином строе бытия

Она слилась в одно и кровно, и духовно:
Мухтара мужеством любитесь Илья,
О подвигах Ильи, восторга не тая,
Мухтар слагает песнь любовно,

Самед на смерть идёт, чтоб не погиб Семён,
Собою жертвует Семён за жизнь Самеда,
И перекличка их имён

Гремит в боях вокруг священных им знамён,
Пароль их — Родина, и лозунг их — победа!

Враг угрожает их родным полям, лесам,
Родным лугам, горам, ущельям и долинам.
Прислушайся к бойцам, к их грозным голосам:
То рядом исполн с могучим исполином
В бой ринулись в строю едином, —

Презренье, ненависть и месть фашистским псам
В их лвином натиске, в полёте их орлином!

Сурово-боевым содружеством горды,
Бойцы прошли сквозь дни неслыханной страды,
Деля совместные и радости, и беды,
И осеняет их ряды
Крыло сверкающей *Победы!*

Но потеснённый враг ещё не сломлен, нет!
Канун блистательных побед
Есть боевой канун наигрознейшей схватки.
Былинный помнить мы обязаны завет:
«Не порешив врага, богатырям не след
Средь чиста поля на обед
Открыто разбивать палатки,

*Пока не размозжил ты черепа змеи,
Успокоения не ведай!»*

Нам предстоят ещё тягчайшие бои
Пред тем, как увенчать все подвиги свои
Всесокрушающей победой!

Фашистский лютый гад до смерти ядовит,
Он яд опаснейший к концу борьбы таит.
Богатыри, добьём израненного гада!
За нами Родина стоит!
Победа — доблести награда!

СОВЕТСКОЙ БОЕВОЙ ТЕХНИКЕ — СЛАВА!

Оружье — страшное на вид —
Фашистских выродков, зарвавшихся злодеев.
Оно чудовищный имело «аппетит».
И вот — пленённое — оно теперь стоит
В Москве на выставке трофеев!

Уставя дула вверх, не зная, как им быть,
Все пушки — целые совсем и инвалиды —
Готовы, кажется, завывать
От оскорбления и обиды!

Площадка детская и детская игра.
Ещё не видел мир таких киноэкранов:
Бескрайный ряд стальных фашистских великанов
И — безнаказанно толпится детвора
У вражеских аэропланов.
Танк создан не для детских игр:
По тельцам он ходить предпочитал по детским!
Но этот зверь — по кличке «тигр» —
С нутром своим живым, немецким,
Сержантом был подбит советским!

А сколько взяли мы трофеев за войну!
Не может их вместить одна Москва-столица:
Фашистской техники всей, что у нас в плену,
Здесь только малая частица!
Враг техникой богат и техникой силён.

Но, вражьей технике дивясь—и впрямь могучей,
Мы гордо думаем: враг бит и посрамлён
Мог быть лишь техникою лучшей!

И Родина её, мы знаем, создала
В кузничной не в одной и не в одной литейной!
Советской технике и слава, и хвала!

Она недаром прослыла
На мир на весь — первостатейной!
О качествах её нам говорят дела
И чудищ вражеских остывшие тела
На нашей выставке трофейной!

ДОВЕРЧИВЫЙ КУМ

Басня

Тревожные пошли по избам разговоры:

Деревню осадили воры!

Лишь одному Кузьме как будто горя нет.

— Есть у меня такой, — он объявил, — секрет:

Ворью не подобрать в нему вовек отмычки! —

Какой секрет, Кузьма—резонный был мужик!—

Таился, прикусив язык,

Держался не худой привычки.

И всё ж одной душе открыл секрет Кузьма:

Был пьян, разнежился ль, но оказал доверье

Куме Лукерье.

Кума на то кума,

С кумы не спрашивай зарока:

Болтливая кума, что вызнает сама,

Всем расстрекочет, как сорока,

Пошёл секрет Кузьмы по всем дворам гулять.

А чрез неделю, глядь,

— Да как же буду жить теперь я!

Разо-о-ор!.. Разбо-о-й!.. —

Взвыл обворованный Кузьма перед избой,

В которой было всех остатков — пух да перья.

— Как воры мой секрет открыли, не пойму!

— Наверно, сам его ты выболтал кому! —

Журили мужики Кузьму,

А громче всех... кума Лукерья!

*

Сам подкузьмил себя Кузьма.

Простая басенка весьма,

Но поучительная крайне:

Болтливость — враг военной тайне!

Вкруг нас — будь бдителен и не теряй ума! —
Шныряет не одна «болтливая кума»!

21/VI—43

ГЕРОЯМ

В свою победу слабо веря,
Но и сказать страшася — «пас»,
С отвагой раненого зверя
Фашисты ринулись на нас.

И на врагов — пора настала! —
Взрывая дзоты, доты, рвы,
Сметая «тигров» из металла,
Живые ринулися львы!

За их геройством легендарным,
За каждым подвигом следя,
Мы смотрим взором благодарным
На всех бойцов и на вождя.

Родные! Скажутся ль словами
Все наши чувства в этот час!
Мы всем дыханьем нашим — с вами!
Все мысли — с вами, жизнь — для вас!

17/VII—43

ФАШИСТСКОЕ «СВЕРХОРУДИЕ»

Из опилок калачи.
А начинка — враки,
Косят сено на печи
Молотками раки!

Шуточная песенка

Количество русских плен-
ных, захваченных под Орлом,
буквально неисчислимо.

Берлинское радио

Фашисты в диком изумленьи:
— Что получилось с войной! —
Солдаты в зимнем настроеньи,
Хоть на дворе и летний зной.

Ах, что все «тигры», «фердинанды»!
Что все растрёпанные банды
Дивизий битых! Где их пыл!
Они не слушают команды
И норовят укрыться в тыл!

В такой беде от Шпре до Тибра
Вдруг раздалось: — Фёйер! Пли!
Фашисты страшного калибра
Орудие изобрели.

Вот это дуло так уж дуло!
Заряд — в сто сорок три версты!
Когда орудие «пальнуло»,
Хватились все за животы.

Всех, даже самых нелюдимых
Людей от смеху растрясло:
Взметнулось «цифр неисчислимых
Неисчислимое число!»

Расходу немцам — на полушку,
А между тем, какая пруть:
Изобрели такую «пушку»,
Что невозможно перекрыть.

Продукт особых «инженеров»!
Немецких армий сто́ит трёх:
Невероятнейших размеров
Невероятный — *самобрёх!*

ПО ГОСТЮ — ВСТРЕЧА

Басня

В деревне был мужик Хаврош, головорез.

Он бесперечь со всеми в драку лез,
Чужое загребал, не за своё боролся.

Косясь давно уж на Фому,

В избу — непрошенный — вломился он к нему

Решил: врасплох его возьму!

Не на такого напоролся:

Был встречен так Хаврош Фомой,

Что еле, еле

С кровавыми отметками на теле

Дополз домой.

Деревня вся далася диву:

— Хаврош-то, слышали? Поди, теперь его

Не будет уж тянуть к чужому пиву!

— Да, встретил, друг Фома, Хавроша ты... тово.

От угощенья твоего

Ему остаться вряд ли живу!

— Как мог, так гостя привечал, —

Фома с улыбкой отвечал, —

Не важно встретил. Делать неча.

Какой был гость. По гостю — встреча.

*

У немцев стынет кровь от фронтовых вестей:

Не чаяли такой закуски.

Что делать? Русские — непрошенных гостей
Привыкли мы встречать по-русски.
Вломились «гости» к нам — враги.
Так «по гостям и пироги»!

19/VIII—43

ПРИВЕТ ВОЖДЯ И ВСЕЙ СТРАНЫ!

Народ, предчувствием победы возбуждённый,
Известья ждёт в вечерний час.
И вот — гремит вождя торжественный приказ:
От немца-изверга навек освобождённый,
Советским снова стал Донбасс!
Он вновь забьёт ключом могучим,
Источник сказочный энергии живой.
Искать к нему опять дороги боевой
Мы навсегда врага отучим!
В честь дивной доблести родных
Дивизий сталинских — отважных и стальных —
Москва, отдавшись вся торжественным минутам,
Гремит восторженным салютом!
Богатыри-шахтёры, вас,
Боровшихся за свой родной Донбасс
С порывом творческим, безудержно-стихийным,
Москва приветствует салютом орудийным!
*Великой Родины отважные сыны,
Привет вам боевой вождя и всей страны!*

САЛЮТ ПОБЕДИТЕЛЯМ

О русской славе незаходной
Отрадно петь её певцам.
Привычкой стало всенародной
Салютовать своим бойцам.

Вчера — победа в Приазовьи,
Взят Мариуполь, взят Бердянск,
Сегодня пушек славословье —
Салют бойцам, вернувшим Брянск.

И вот сейчас, сию минуту,
Родной народ по всей стране
Внимает новому салюту:
Стал наш — Чернигов на Десне!

Всё напряжённее и строже
Взгляд у бойцов. Вперёд! Вперёд!
Отрадно видеть до чего же,
Что наша сила верх берёт.

Что не сегодня — завтра грянет
Победоносное ура:
То Киев к жизни вновь воспрянет
И руки братски к нам протянет
С крутого берега Днепра!

ОСВОБОДИТЕЛЯМ ПОЛТАВЫ

Название славное *Полтавы*
Звездой немеркнувшей горит.
Над полем доблести и славы
Орёл торжественно парит.

Здесь наша русская отвага
Свершила чудо наяву,
Когда «воинственный бродяга»¹
Искал дороги на Москву.

Другой «искатель» — легендарный! —
Изведал легендарный крах².
«Искатель» третий — сверхбездарный! —
Летит в провал на всех парах.

Погибнет он на Украине,
То ль в Белоруссии падёт,
То ль мы добьём его в Берлине, —
Злодей от кары не уйдёт!

Зверь в огневом кольце облавы.
Он обречён. Пощады нет.
Освободителям Полтавы,
Борцам за Родину — привет!

23/IX—43

¹ Карл XII. (См. поэму «Полтава» А. С. Пушкина.)

² Наполеон.

БОГАТЫРСКАЯ ПЕРЕПРАВА

Седой наш Днепр нам не преграда
И не ограда для врага.
Для победителей отрада —
Очистить от гнилого смрада
Его святые берега!

Днепр — в новой силе, в новой славе —
В места, где вражеской ораве
Грозы смертельной не отвесть,
О богатырской переправе
Несёт ликующую весть!

Отважно овладев стремниной
Родной прославленной реки,
Исполнены отваги львиной,
Правобережной Украиной
Идут советские полки!

То, взяв в охват простор раздольный,
Через леса и пустыри,
Идут победно в город стольный
Былинные богатыри!

8/X—43

РОДИНА

Она была сильна, отважна и быстра.
Ей, юной, песни пел не ветер тиховейный,
А бури грозные. Убор был незатейный.
Простой её наряд, посконь — нужды сестра.
Был для неё огонь походного костра
Привычней, чем очаг семейный.

Возникшая в неведомой глуши,
Она росла и крепла в ратоборстве.
Взор говорил её о чистоте души,
А складка меж бровей — о волевом упорстве.

Ей в непогодь итти случалось босой,
Прикрывши наготу рубахой-домотканкой,
Но лик её сиял суровою красой
И величавою отмечен был осанкой.

Неволей тяжкою не сломлена, она
Ударила мечом по вражеским оковам:
— Я сроду вольная страна! —
Её судьба была навек утверждена
На славном поле Куликовом.

Сломав заторы все, стоявшие вокруг,
Над боевым, «зело прославленным кумиром»,
Победу завершив полтавским славным пиром,
Безвестная дотоль, она предстала вдруг
Державой мощною пред изумлённым миром.

Прошло сто лет. Ей сам Наполеон грозил.
Но гость незванный пал, употчеванный брагой —
Неисчерпаемых живых народных сил
Несокрушимою отвагой.

Все, разгадать её спеша,
Приглядывались к ней открыто и украдкой,
И всем, тревогою их мысли вороша,
Казалась её душа
Неразрешимою загадкой.

Жизнетворящие, великие года
Громами *Октября* над ней прогрохотали.
На новый путь она вступила, к светлой дали
Она пошла — в боях грозна, в труде тверда.
Но мощи недр её народных и тогда
Её враги не разгадали.

Лютейший враг над ней разбойный нож занёс,
Утратой жизни ей грозя, потерей чести.
И вот—с надломленным хребтом—от волжских
плёс,
Как шелудивый, битый пёс,
Враг в страхе пятится пред ней, богиней мести!

В ней будто создана для шлема — голова,
Десница — для меча. На ней стальные латы.
Она зовёт к борьбе — скупая на слова.
И слышат все полки слова: они — крылаты!

— Богатыри, вперед! В решительном бою
Добьём проклятую змею!
Не ускользнёт она от грозного ответа:
Нигде не скрывается ей и даже на краю,
На самой дальней грани света!

Так говорит она, сбивая вражью спесь.
Победоносная! Дивится мир ей весь,
Готовый уяснить в словесной форме краткой
То, что казалось поднесь
Неразрешимую загадкой:

Что Русь незыблемо стоит, сильна своей
Достойной стариной и доблестною новью,
Отвагой боевой родных богатырей,
Сынов своих и дочерей,
И беззаветною их к *Родине* любовью!

Сегодня лик её волшебю освещён
Победной радостью: ей Киев возвращён!
Сегодня пушек гром, и хоры песнопений,
И клич восторженный бойцов трёх поколений
Слилися в гимн тому, в ком мощно воплощён
Её победоносный гений,

Кто, пламенных не отрывая глаз
От волн седых Днепра и синих волн Дуная,
Их славу древнюю, родство их вспоминая,
Провозгласил слова, в устах вождя для нас
Звучащие, как боевой приказ:
Да здравствует страна родная!

РАД ОТЕЧЕСТВУ СЛУЖИТЬ!

Генерал бойцов-героев
После боя награждал.
Автоматчик Новостроев
Награждения не ждал.

Вдруг он вызван! Дрогнув бровью,
Задышал он горячо.
Генерал его с любовью
Взял рукою за плечо,

И сказал при всём он строе:
— Честь герою и хвала
За отличие боевое,
За отважные дела!

Смерть неся фашисту-гаду,
Ты собой не дорожил
И высокую награду
За геройство заслужил! —

Гордый радостью такую
Верный Родины солдат
Тронул ласково рукою
Свой надёжный автомат

И ответил, сдвинув брови,
Всё в слова стремясь вложить:
— До последней капли крови
Рад отечеству служить!

17/XI—43

ПАМЯТИ БОЙЦА (Е. М. ЯРОСЛАВСКОГО)

Одолевая гнёт смертельного недуга,
На боевом посту стоял он до конца.
В нём наша родина лишилась бойца,
Бойцы — испытанного друга.

Глашатай пламенных идей,
Разивший всех врагов, вскрывавший их подвохи,
Войдёт он в пантеон блистательных людей
Великой ленинской и сталинской эпохи.

НЕМЕЦКАЯ «РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЁЛКА»

Фриц Европу жадно грабил,
Грабил, чистил под метёлку.
— Ну, — грабитель пасть осклабил, —
Закачу ж теперь я ёлку!

До чего ж подлец был весел!
Вина, жареную тёлку,
Кур, гусей — всего навесил
На рождественскую ёлку!

Вдруг — погасли все огарки!
Фриц завыл, подобно волку:
С неба рухнули «подарки»
Боевой советской марки
И на Фрица и на ёлку!

Получился вид умильный:
Всё погибло, дом, светёлка...
В крест еловый надмогильный
Обернулась Фрицу ёлка!

25/XII—43

ВСЁ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ФРИЦА

«Шлем надвигайт на затылка,
Карашо зидеть в окоп.
Айнс бутылка, цвай бутылка —
Хлоп, хлоп, хлоп!
Есть вино и есть закузки
По-голландски, по-французски,
По-норвежски и по-датски.
Есть карош грабёж золдатский.
Некарош есть пуль советский:
Пробивайт он шлем немецкий,
Губит Фриц в секунд один, —
Очень жалобный картин!»

*

Шлем пробитый, гильзы, пробки,
Три консервные коробки,
Две бутылки и рюмашка,
Сбоку — клочья, не рубашка,
Вот и всё, как говорится,
Что осталось от Фрица!
Вид — не выдумать чудесней!
«Этот жалобный картин»
Вместе с жалобною песней
Адресуется в Берлин.

Всех берлинцев и берлинок
Пусть проймёт холодный пот.
— Ждёте с фронта вы новинок,
Удивительных картинок!
Ну, так вот!

ГЕББЕЛЬСОВСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ
«РОЖДЕСТВЕНСКИЕ»
ДО УМОПОМРАЧЕНИЯ

Берлинская «ночь под рождество».
Геббельсовское естество
Протестовало против довременной кончины.
Из-за этой причины
Сидел Геббельс в бомбоубежище за столиком
Этаким меланхоликом:
— Канун рождества
Без праздничного торжества,
Без хвастовства
О победном марше! —
В припадке тоски,
Растирая себе виски,
Геббельс диктовал секретарше:

«На этот раз рождество не может быть для нас
праздником мира и счастья. Пусть же оно будет
для нас праздником этой тоски, испытываемой
миллионами».

Над убежищем грохот и шум:
— Бум-м!.. Бум-м!.. Бум-м!.. Бум-м!..
Куда попало, интересно?
В убежище душно и тесно.
Но, сделав на бодрость установку,
Геббельс продолжал диктовку:

«У нас теперь лёгкий багаж. У многих из нас
осталось немного. Потеря имущества лишь усугу-
била нашу стойкость и боевую решимость».

Геббельс вздохнул: — Ох, житьё!
Бывало, раздуешь кадило,
Любое враньё
С рук сходило.
А нынче без правды нельзя:
Извиваясь, скользя,
Приходится вкрапливать правду частично.
Надо врать эластично!
Развелось столько нытиков,
Критиков,
Подпольных политиков!
Куда от них скрыться?
Разве в землю зарыться
Или в воду нырнуть?
ТЬфу! Сбиваюся с тона.
В конце фельетона
Надо вернуть
Лирическое что-нибудь:

«Нам пришлось потесниться как в больших городах, так и в деревне. Но при этом мы только по-настоящему узнали друг друга».

Фашисты, в разбойной войне
Дойдя до неслыханного окаянства,
Присвоить пытались в чужой стороне
Как можно побольше пространства.
И вдруг — какой оборот!
— Веселися, немецкий народ:
Нам пришлось потесниться! —
Могло ли фашистам такое присниться?
Неважно для них обернулись дела,
Но им главное — не обнаружить испуга.

Теснота вдруг им стала мила:
Теснота помогла
Распознать им друга друга!

Для каких это всё говорилось ушей?
При какой обстановке?
Что мы в праве сказать о подобной трактовке?
Это — пляска мышей
В мышеловке.

30/XII—43

ПОДАРОК СТОЛИЦЫ

Освобождённый, отомщённый,
С израненным боями видом,
Завод-гигант неосвещённый
Стоит ослепшим инвалидом.

Вдруг — сноп лучей. Он был так ярок!
Восторгом озарились лица:
Энергопоезд, свой подарок,
Прислала им Москва-столица!

И вот поэму в новом роде
Поют турбины на колёсах.
Зажёгся свет на всём заводе
И отразился в ближних плёсах.

В цехах завода-исполина,
Где бесновались вражьи дзоты,
Раскрылась яркая картина
Восстановительной работы.

Завод остывший искр не мечет,
Всё взорвано — котлы и краны,
Но уж народ усердно лечит
Его зияющие раны.

К нему стремятся строй за строем
Отряды срочного ремонта.
*Привет строителям, героям
Восстановительного фронта!*

31/X—43

ВСТРЕЧА

Бескрайной гладью снеговою,
Свершив последний свой обход,
Увенчан славой боевою,
Уходит в вечность старый год.

Сверкая бранною кольчугой,
За ним, грозя врагам бедой,
Идёт походкою упругой
Его преемник молодой.

В урочный миг, в какой ни звука
Не уловить, ни огонька,
Была их встреча и разлука
Неуловимо коротка.

Один вступил в своё начало,
Другой свою исполнил роль,
И в двух сердцах одно звучало:
— *Победа* — лозунг и пароль!

1-44

ГЕРОЯМ ОСВОБОЖДЁННОГО ДОНБАССА НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ!

Привет донбасской каждой шахте,
Подавшей уголь на-гора!
Донбасс! Он вновь стоит на вахте!
Что, получила, немчура?!

Не стало сволочи немецкой:
Её громят уж за Днепром!
Донбасс, герой страны советской,
Вновь дышит грудью молодецкой,
Стуча киркой и топором.

Он рвётся вновь на подвиг бранный,
Вновь в трудовом стоит строю, —
Чиня машины, тросы, краны,
Свои залечивает раны
И возрождает мощь свою.

Герои трудового фронта,
Священным пламенем горя,
С лекарством, нужным для ремонта,
Снуют повсюду лекаря.

Кто здесь ударник? До потомства
Мы имена их донесём,
Им первым в первый час знакомства
Мы братски руки потрясём.

Не в тягость им любое бремя.
Им погонялка не нужна:
Все знают: в боевое время
Секунда каждая важна.

И что на шахте, как на фронте,
Быть на-чеку — закон для всех.
В бою секунду провороньте —
И провороните успех.

Нет, мастера — не пустословы,
Шахтёры наши — первый класс!
Все в наступление готовы?..
Так наступайте в добрый час!

Вам, ставшим Родине опорой,
Героям творческих побед,
Бойцам с фашистской подлой сворой,
Всем мастерам работы скорой,
Мы новогодний шлём привет!

«РАЗЛУКА ТЫ, РАЗЛУКА!»

— Куда я ноги унесу-у-у-у!
Как я волчат своих спасу-у-у-у!
Я растеряла их и след их позабы-ы-ы-ыла! —
В глухом лесу
Волчиха выла:

Она рождественской студёною порой
Переживала муки
Разлуки

С «родной своею детворой».
Чужая детвора — совсем иное дело:
Тут, знай лишь, тешь свою корысть,
Не уставай чужих детей терзать и грызть,
Нагуливай, волчиха, тело! —

Под волчьим лозунгом — «своих детей беречь,
Чужих — изничтожать разбоем!» —
Свою «рождественскую» речь
Поганый Геббельс начал воем:

«Если в мирное время у немцев рождество было праздником семьи, то теперь, когда война достигла кульминационной точки, оно превратилось для миллионов немцев, если можно так выразиться, в «праздник разлуки». В нынешнем году этот праздник встречают вдали от родины и близких бесчисленные немцы-солдаты на фрон-

те, рабочие на отдалённых предприятиях военной промышленности, матери, эвакуированные вместе с детьми или выполняющие свою работу в угрожаемых районах, в то время как их сынишки и дочурки, ограждённые от ужасов вражеского воздушного террора, живут в детских лагерях. В этот час немецкая тоска по близким витает над всей страной, как и над далёкими краями, объединяя любящие и любимые сердца».

Какая лирика! Каких мелодий звуки!

Какой надрыв! Какие муки!

Какой истошный волчий вой!

Плут изолгавшийся ломает скорбно руки, —
Рождественский сочельник свой
Назвал он «праздником разлуки»!

Нам это слышать каково!

Нам, русским людям, у кого

Из мест, пустынной ставших гарью,

Похищено фашистской тварью,

Разлучено с родной

Страной

Для жизни каторжной, мучений повсечасных,
Так много юношей и девушек прекрасных!

Негодовать ли на зверей,

Замучивших, осиротивших,

С детьми родными разлучивших

Советских столько матерей!

Нет, мы напрасных слов перед зверьём не тратим.

Долг красен платежом!

Псам, нас хотевшим взять разбоем, грабежом,

Мы по заслугам платим.

Тому свидетели — они, как лес, густы, —

Псов надмогильные кресты!
Фашисты этого ль искали «урожая»!
Их приняла земля чужая
— Родная наша сторона! —
Согласно песне. Вот она:
«Разлука ты, разлука,
Чужая сторона!
Никто нас не разлучит,
Лишь мать сыра-земля!»

Изведав на спине советскую науку,
Пой, Геббельс, песню про разлуку!
Скули, ослиными ушами шевеля!
Немецкая взбесившаяся тля,
Что заслужила,
То получила:
Мильоны немчуры советская земля
С землёй немецкою навеки *разлучила!*
Спи, Фриц, в краю чужом!
Долг красен платежом:
Захватчику — могила!

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Осыпал звёздный дождь кремлёвские бойницы.
Куранты древние час поздний ночи бьют.
По всей стране гремит гром пушечный столицы,
Родным богатырям торжественный салют!

Триумф их Корсуньский войдёт в века—былиной:
Здесь наши славные бойцы
Вождя стратегии орлиной
Явили чудо-образцы!

Числа трофеев их военных
Не подсчитать в короткий срок.
Разбита армия разбойников отменных.
Убитые молчат, и хмуры лица пленных.
Преступников настиг неотвратимый рок.
Для идиотов «полноценных»
Какой разительный урок!

Пришёл за ночью день. Над нами небо сине.
Сверкает солнце. Даль светла.
Москва ликует. А в Берлине
Непроницаемая мгла.

Средь штаба, метивший в Наполеоны сдуру,
Сидит фашистский сверхболван.

Дрожа за собственную шкуру,
Он сочиняет новый «план».
Но, хорохоряся с оглядкой беспокойной.
Он всем нутром дрожит, как в лихорадке
знойной,
Как шулер пойманный, продувшийся дотла:
Он знает, что его проиграны дела
И что с фашистскою своей ордой разбойной
Не избежать ему «котла»!

ЛЕНИН — С НАМИ!

Высоких гениев творенья
Не для одной живут поры:
Из поколений в поколенья
Они несут свои дары.

Наследье гениев былого —
Источник вечного добра.
Живое ленинское слово
Звучит сегодня, как вчера.

Трудясь, мы знаем: *Ленин — с нами!*
И мы отважно под огнём
Несём в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом *Ленина* на нём!

21/1—44

РАСПЛАТА

Враги, грозившие нам смертною бедой,
Ворвавшись ночью к нам разбойною ордой
И зарево войны взметнувши к поднебесью,
По белорусскому загикали Полесью.
Им чудилась Москва в позоре и в плену.
В мечтах поработить советскую страну
Они чудовищной захлёбывались спесью.
И вот, затрещину схватив — и не одну! —
 Почуяв, что идёт ко дну,
 Завыл их фюрер на луну,
 Здравши кверху морду пёсью.

В унылых помыслах о страшном рубеже,
Откуда он в Берлин помчит без остановки,
Бандит, изверившись в убийстве, в грабеже,
Ещё надеется на хитрость, на уловки,
 А шея чувствует уже
Прикосновение намыленной верёвки!

Он видел уж её вчера — издалека:
В стране, которой он готовил мрак безлюдья,
Подручных трёх его — не главарей пока —
 Настигла грозная рука
 Карающего правосудья.
У них перед судом со страху с языка
 Катилась пена словоблудья.

Так вот они, в чужой ворвавшиеся дом,
Три гнусных образца «господской», «высшей»
расы!

Они стояли пред судом,
Как воры-взломщики, накрытые у кассы:
Какой звериный страх, скрываемый с трудом!
Какие жалкие гримасы!

Так вот кто ночью к нам с ножом разбойным
влез,
Кто с мёртвой девочки сдирал бельё и шубку,
Кто на людей смотрел на русских, как на лес,
Весь обречённый на порубку,
Кто в душегубство ввёл «технический прогресс»,
Соорудив свою машину, «душегубку»!

Так вот кто посягал на шар земной на весь,
Кто миру навязать хотел своё «господство»!
Куда девалась преступная их спесь
И их претензия — идей прогнивших смесь —
На «расовое первородство»?!
То, что мы видели, и то, что видим здесь...
Какое резкое двух обликов несходство!

Они рядились «под господ»,
А на поверку вышла — липа!
Вогнали их в холодный пот
Законов уголовных свод
И документов жутких кипа.
Засыпавшись на «мокром деле», вот
Перед судом скулят три уголовных типа.

Они скулят, юлят и Гитлера корят:
Он был злой силою, в злодействе их виновной,

Они свершали свой палаческий обряд
С тупой покорностью шпаны мелкочиновной.

У Гитлера глаза безумием горят.

 Пред ним три виселицы в ряд,
Как привидения, стоят шеренгой ровной...
Три труп... Так убийц карают искони...
Подлец, ты не уйдёшь, как не ушли они,
От мести праведной, от кары уголовной!

ОБИЖЕННЫЙ ВОР

Басня

Один пройдошливый румын, кривой Антон,
(Иль по-румынски Антонеску),
Рядившийся в сюртук, заношенный до блеску,
Не вылезавший век из рваных панталон,
Всю жизнь пиликавший на скрипочке в трактире,
Вошёл в лихой азарт, решил зажить пошире

И у себя в квартире

Устроил воровской притон:

Набив замки, навесив шторы,

Он принимал, поил-кормил

Отчаянных воров-громил,

И вместе с ними сам, как делают все воры,
Чужие уважал не очень-то запоры.

Сначала был Антон в «счастливой» полосе.

Как мышь, сыскавшая дорожку к бакалее,

Он с каждым днём жирел и делался наглее.

Но вдруг и он, и воры все

Засыпались с кражей:

Сам обокраденный ворами гражданин,

Да не один,

А с обвинителем, с внушительною стражей,

Накрыв притон, налёг на двери — двери вон!

При неприятном столь визите

Заголосил во-всю Антон:

«Спаси-и-и-те!..

Спаси-и-и-те!..

В обитель мирную!.. Побойтесь икон!»

— Вот в том и главное, — сказал тут
обвинитель, —

*Что мы, блюдя закон,
Вошли с оружием не в мирную обитель,
А в воровской притон!*

6/IV—44

ФАШИСТСКИЕ «АНГЕЛОЧКИ»

Ведь были до чего ж фашисты все рысисты

И оголтело-голосисты,

В разбойный двинувшись поход!

Они-де цвет земли, немецкие расисты!

Они-де «нация господ»!

— Неполноценным всем народам смерть иль
рабство! —

Ан приключилась с фашистами беда.

Увидя свой провал, пустились «господа»

На неприкрытое арапство:

Сердечком губы, скромный взгляд, —

Завуалировав своих речей похабство,

Они юлят, они скулят:

«Тупоумная свора на Западе, которой ещё со времён Карлейля недоступны духовные ценности Европы, начитавшись Ницше и Розенберга, но не поняв их, выдумала пропагандистскую сказку о том, что немцы мнят себя «нацией господ» и стремятся подчинить себе все остальные народы, считая их «неполноценными». К сожалению, немцы уже в начале средних веков не были нацией господ и с тех пор не чувствовали себя таковой. Если же национал-социалистская

Германия вообще ещё употребляет это выражение, то она понимает под этим совсем не то, что в Англии считается «господством».

(«Фелькишер беобахтер», 6/II 1944 г.)

— Не то! Совсем не то! —

Выходит, голова у немца — решето:

Забыл он, что писал. Мы помним, что читали.

Как уморительны немецкие детали:

— Мы, к *сожалению*, давно не господа,

И если так себя зовём мы иногда,

Так это ж «просто так»... Нас зло оклеветали!

Кой-кто из нас писал — совсем не важно, кто! —

Насчёт немецкого всемирного господства...

Так это же совсем не то!

Нет никакого даже сходства!

За что ж поносят нас! За что! —

Их надо гладить по головке.

Бывает разный плач, но самый мерзкий плач,

Когда расплачется палач,

Внезапно очутясь в нежданной обстановке:

Суд, справедливый суд, стал угрожать ему,

Придётся палачу, как видно, самому

Висеть на собственной верёвке.

Он в страхе мечется, как крыса в крысоловке:

Да, он палаческим гордился ремеслом,

Хвалился жертв своих числом,

Он вешал у Днепра, на Немане, на Висле.

Винить его, однако, в чём!

Он был, нет спору, палачом,

Но палачом — в особом смысле!

На виселицу он не как-нибудь волок,

А к делу применял особую сноровку.

Он — не палач, он — ангелок!
Снимите с ангела верёвку!

Дела у немчуры сложились — не ахти,
Так в оборот они пустили размалёвку:

«Фашисты — ангелы почти!»

Фашистских «ангелов», родной боец, почти

И, приложив к плечу винтовку,

За всё им честно заплати:

— Коль, немец-душегуб, ты «ангел во плоти»,
То получи-ка «в рай» свинцовую путёвку!

14/II—44

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Какая жуткая картина разоренья
В местах, где изгнана фашистская орда!
Как много приложить нам надобно труда,
Чтоб вновь восстановить сожжённые селенья,
Колхозы, фабрики, заводы, города!

Труд этот начался в размахе небывалом:
Вновь исправляются пути и провода,
С машинами, с материалом
В сожжённые места стремятся поезда.

Отрадно знать бойцам на суше и во флоте,
Что наш народ — семья одна,
Что весь в хозяйственной и фронтовой заботе
Наш тыл не ждёт, пока окончится война:
Восстановительной работе
Спешит на помощь вся страна!

ПОБЕДНАЯ ГОДОВЩИНА СТАЛИНГРАДА

Привет наш городу, герою-исполину!
Его приветствуют сегодня стар и млад.
Победную свою сегодня годовщину
Справляет славный Сталинград.
Повергнувши врага в бесславия пучину,
Сил дрогнувших его он возвестил закат.

Отсюда началась — в лучах всемирной славы —
Предсказанная нам в словах вождя пора:
Курск катастрофу нёс для вражеской оравы,
Её приблизили герои переправы
Через излучины и омуты Днепра!

Наш боевой триумф, боями утверждённый,
С днём каждым возрастал, как ни был ворог лют,
И вот — весь слушал мир, как бы заморожённый,
Гул исторических минут,
Когда от вражьего кольца освобождённый
Дал город Ленина родным бойцам салют!

В день сталинградской годовщины
С какою гордостью мы думаем о том,
Кто к подвигам ведёт советские дружины,
Кто нас мечом снабдил надёжным и щитом,
Кто окрылил нас всех идейно,
Кто наших сил родник расширил во сто крат,
Чьё имя светлое мы чтим благоговейно,
Приветствуя его создание — *Сталинград!*

ВЕЛИКАЯ СОВЕТСКАЯ ДЕРЖАВА

Вандалы — это что! Рим захватив, они
Разграбили дворцы, опустошили виллы,
Но памятников медь, но алтарей огни —
Их чтили варвары, считая искони
Их под защитой высшей силы.

Не то — фашисты в наши дни:
В наш гордый Новгород ворвались гориллы!
Что все святые для зверей?

И памятников медь, и мрамор алтарей
Кощунственно громят фашистские громилы!

Какое злобное рычанье и вытьё,
Какие дикие смешались междометья,
Когда, чтоб доказать, что бытие своё
Россия кончила, фашистское зверье
Громило памятник её тысячелетья!

Но обезьяний ум, впрямь, надобно иметь,
Чтоб не понять вещей весьма простого рода:
Что Русь, живая Русь — не бронза и не медь,
Что жив её народ, жива её природа,
Что все, кто пробовал бесчестье ей нанести,
Кто в рабство норовил детей её увести,
Извели её грозу в борьбе кровавой!
Умея постоять за жизнь свою и честь,
Победно-боевой увенчанная славой,
Советская страна — она была, и есть,
И будет мощною, великою державой!

ПРИВЕТ ОДЕССЕ!

Рыча и на бегу зализывая раны,
 Через приднестровские лиманы
 Бежит немецкое зверьё,
За ними, в панике бросая чемоданы,
Несётся во всю прыть румынское ворьё.
Над морем взмыла вверх туманная завеса.
В закатном зареве даль сделалась светлей.
И слушает салют московских батарей
 И черноморских кораблей
 Освобождённая Одесса!
В семью родную вновь она
Бойцами нашими навек возвращена!

Привет тебе, краса родного Черноморья!
Тебя приветствует родная вся страна
От северных границ, где ждёт весны Двина,
И до зелёного Карпатского предгорья!

9/IV—44

ОДЕССА

Борьба её, зверьём обложенной кругом,
В анналы Родины вошла страницей славной.

Сражаясь до конца с врагом,
Изранена в борьбе неравной,

Она свершила всё, что совершить могла.
Над нею, солнечной, сгустилась ночи мгла,
Но, не сгибаясь под гнѣтом принужденья,

Она уверенно ждала
Дня своего освобожденья!

И этот день пришѣл!

Мы славу ей поём.

Ей, для кого была честь Родины святыней!

Она измучена, истерзана зверьём,

Но даже в рубище своём,

Сил нарастающих вновь чувствуя подъём,

Храня гармонию простых и строгих линий,

Она стоит над гладью моря синей.

Мы в ней черты родные узнаём

И с гордостью её зовѣм

Красавицей и героиней!

В К Р Ы М У

— Что это? — Гитлер взвыл,
глаза от страху жмуря. —
Потеряны — Сиваш, и Перекоп, и Керчь!
На нас идёт из Крыма буря!

*

Не буря, подлый гад, а — смерч!

12/IV—44

ПОЧЕМУ ИМ ТРУДНО?

«Почему нам так трудно?»

*Так озаглавлена последняя
статья Геббельса.*

— И Феодосия, и Евпатория...
Вот так история!

И Симферополь тож... Всё это в плане я
Держал заранее!

— Хайль! — вторит Гитлеру его коллегия. —
Вот так стратегия!

Такие замыслы! Такая практика!
Вот это тактика! —

Геббельс, словно в забытии,
Диктовать стал нудно

Продолжение статьи
«Почему нам трудно?»

Наша армия в Крыму
Объясняет «почему»!
Объясняет чудно:

— Нам что в гору, что с горы:
Нынче в Симферополе,
Завтра в Севастополе!
Эвон — пленной немчурь!
А сколько ухлопали!

СОВЕТСКИЕ КУРОРТЫ

Про Фрица с Морицом рассказ,
Судьба их с детских злых проказ
Была неразделима.

Пришла война. На этот раз
Забрался Мориц на Кавказ,
А Фриц — на берег Крыма.

Один писал про ревматизм,
Другой — насчёт аорты:
«Как укрепляют организм
Советские курорты!»

Один хвалился: «Я — крымчак!»
Другой: «Я — истый горец!»
И вот — прощай, родной очаг!
Погибли Фриц и Мориц:

Один — какой судьбы изгиб! —
Погиб под Пятигорском,
Другой под Ялтою погиб,
На пляже черноморском.

Ползли, как мухи на сироп,
И получили — пулю в лоб.
Как это говорится:
Где русским — здравница, там — гроб
Для Морица и Фрица.

17/IV—44

О С В О Б О Д И Т Е Л Я М

Уж немцы здесь бывали ране
У вод чудских, средь псковских нив,
Но — смерть прошла во вражьем стане:
Торжествовали псковитяне,
Всех псов немецких разгромив.

Преданья озера Чудского,
Великий подвиг старины
Освободителями Пскова
Сегодня вновь воскрешены!

Бойцы стремительным ударом,
Напомнив прадедов дела,
Врагов, засевших в Пскове старом,
Разбили впрах, смели дотла!

Смотри: средь гари и обломков,
У древних стен, в лучах зари,
Встречают доблестных потомков
Их прадеды-богатыри,

Псков ликованием их встречает,
Блюдя обычай древний свой,
И славой их Москва венчает
За новый подвиг боевой!

КАВАЛЕРИЙСКАЯ АТАКА

По условленному знаку,
Налетевши с двух сторон,
Лихо бросился в атаку
Удалой наш эскадрон.

Пронеслись кавалеристы
Знойным вихрем в городке.
Забарахтались фашисты,
Словно раки в кипятке.

Злая участь им досталась:
Ни дороги, ни тропы.
Через час от них осталась
Только куча скорлупы!

ДУХ ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ

Наш фронт и тыл уничтожают
На нас напавших подлецов
И в новом виде выражают
Дух наших дедов и отцов:

Как встарину на подвиг ратный
Богатырю силач-кузнец
Работой чудной меч булатный
Преображал в меч-кладенец ¹,

Так в наши дни его потомки
И день, и ночь не устают:
Оружье, танки-костоломки
Богатырям своим куют!

¹ Меч-кладенец — меч, обладающий, по народному поверью, чудесными боевыми качествами.

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ!

Мы гоним немчуру всех видов и ранжиров.

Мы — у своих границ. Какое торжество

Советской армии! Какое мастерство

Её бойцов и командиров!

Куда немецкое девалось хвастовство?

Фашисты пятятся позорно и плачевно.

Со всех сторон на них обрушиваясь гневно,

Советские бойцы умеют утверждать

— И утверждают ежедневно! —

Основы сталинской

Науки побеждать.

Как много сказано в коротком выраженьи:

«Граница — часть её одна —

Очищена, ограждена

От вражьей нечисти!» Но в остром напряженьи

Все жаждут услышать скорей,

Что фронт родных богатырей,

Поставив вечный крест на вражеском вторженьи,

Очистил всю границу от зверей,

От гнусных выродков, немецких дикарей,

На всём её громадном протяженьи.

И этот день придёт. Его недолго ждать.

Тому вернее нет поруки,

Чем корни боевой науки,

Великой сталинской

Науки побеждать!

Мы отплатить должны врагу за все сторицей,
Мы будем бить его на суше и воде!
Чтоб враг, пособников своих держа в узде,
К нам снова не проник ночью хищной птицей,
Мы будем бить врага везде —
В пределах родины и за её границей!
Добить фашистскую змею в её гнезде!

Там, где фашистские гадёныши и совы
Народы обрекли на смерть и рабский труд,
Ещё не сорваны тюремные засовы.
Враги надеются, что, убежав за Прут,
Они оправятся, вновь силы наберут.
Они надеются. Да мы не безголовы,
И нрав у нас в борьбе с разбойниками крут!

Врагам, пытавшимся надеть на нас оковы,
Мы дали не один безжалостный урок.

Но мало им! В кратчайший срок
Мы обязуемся — и к этому готовы! —
Ударом громовым урок такой им дать,
Чтоб помертвели все гадёныши и совы,

Изведав на себе основы

Великой сталинской

Науки побеждать!

ГРАНИЦА РОДИНЫ

Гремела музыка. Истошно «гох!», «ура!»
Осатанелая орала немчура.

Она, нарушивши советскую границу,
Переправлялась через Прут.

Фашисты буркалы устави́ли в таблицу,
Где обозначен был «победный» их маршрут,
Согласно в точности рассчитанному «блицу».

Орали «гут!» и там и тут:

Они, разбойничьи, внезапно нападут,
Все силы на страну советскую обрушат,
По-уголовному Россию «оглошат»,

И ей — капут!

Но «блиц», одначе, вышел долгий:

Два года шлёпал он, пыхтя-кряхтя, до Волги,
Всё чаще походил у «блица» «гох!» на «ох!»,
Пот с «блица» падал наземь градом.

И вот — конец: под Сталинградом
«Блиц» надорвался и — подход!

Для немцев «казус» неприятный:
Был им не сладок путь попятный,

Пришлось им горечи хлебнуть,

Но что для них всего обидней —

В сравненьи с прежним был позорный этот путь
Куда «поблицевидней»!

Остались за спиной и Дон, и Днепр, и Буг,
И Днестр, и вот уже — о, страшная минута! —

Пред подлой немчурой, которую испуг
Привёл в безумие, сверкнули воды... Прута!
Кто вплавь, кто вброд,
Вопя от ужаса, не слушая команды,
Перебиралось чрез Прут не войско — сброд,
Дивизии, сведённые до рот,
Разбитые, разрозненные банды!

— «От имени всей Родины Москва...»
Эфир прорезали, как молния, слова
И громовой салют столицы
В честь наших доблестных бойцов-богатырей,
Достигших — всей грозой полков и батарей —
Советской государственной границы!

Граница Родины!.. Фашистское зверьё
Разбойным образом метнулось на неё,
Пытаясь нас одним ударом «оглоушить».
Но мы захватчиков громили искони,
И немцы проклянут те дни,
Когда решились они
Границу русскую нарушить!

ПОБЕДОНОСНЫЙ ПУТЬ

В историю вписав ещё одну страницу
Геройских подвигов родных своих бойцов,
Мы с боем перешли румынскую границу,
Громя немецких подлецов.
Румынские политиканы,
Продажные пройдохи-интриганы,
Мразь, бывшая до сей поры
У немчуры
На побегушках,
Бежит, спасается от нас и вплавь, и вброд.
В румынских городах, местечках, деревушках
Приветливо встречает нас народ,
Согретый солнцем вешним,
Народ, обманутый кругом
Разбойно-связанным врагом
Двойным — и внутренним, и внешним,
Ограбленный своих предателей игрой
И ненавистною румынам немчурой,
Фашистской немчурой, которой
— Рок мстительный неумолим! —
Мы ничего иного не сулим,
Опричь расплаты скорой!
И нет таких границ, ни рек таких, ни гор,
Нигде такого места нету,
Где б не настиг всю банду эту
Наш громовой удар, наш грозный приговор!

Сверкает солнышко. Дымится синий бор.
Весенний пар встаёт с прогалин.
Идут советские войска за рядом ряд.
Глаза их мужеством горят.
Победа — лозунг их!
Ведёт к победе — *Сталин!*

9/IV—44

ИСПЫТАННЫЙ ПРИЁМ

По сообщению берлинского корреспондента газеты «Универсул», политические и военные немецкие комментаторы рассматривают движение по отрыву германских войск от противника, как новый вид немецкой стратегии на Восточном фронте.

Фашисты думали нас сокрушить войной.

Мы им отпор жестокий дали!

Теперь они, нажав педали,

Хотят спастись любой ценой:

Шут с ней, с побитою спиной!

Пусть погибают хвост и грива,

Нутро б лишь было спасено!

Однакож и теперь дурачки и смешно

Они бахвалятся — сколь эта мразь брехлива! —

Своею новою «стратегией отрыва»!

Подобный камуфлет и едко и умно

Народ наш высмеял давно:

*

— Ты что пыхтишь-кряхтишь так, Федя?

— Да вот... Ух, ч-ч-ор-р-т!.. Поймал медведя!

— Медведь большой ли?

— Крупный, да!

С корыто жиру обещает!

— Ну, волокни ж его сюда!

— Дык он меня не отпускает!

*

Захват врага в кольцо — классический приём,
И уважение к нему мы сохраняем,
Так: мы — открыто признаём —
В борьбе с фашистским вороньём
Его охотно применяем.
По существу приём каков?
Охват и — трепещи душа в немецком теле!
Приём — нет спору, он не нов,
Но до чего ж хорош на деле!

11/IV—44

**ЗАЩИТНИКАМ РОДИНЫ
ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРИВЕТ!**

Бойцам отваги беззаветной,
Покрытым славою всесветной,
Которым равных в мире нет,
Семьёй народной всей — несметной! —
Мы первомайский шлём привет!

Желаем вам, и тем, кто старше
И кто моложе всех в строю,
Неутомимости на марше,
Неуязвимости в бою!

Желаем вам в своём отменном,
Искусном мастерстве военном
Достигнуть сказочных вершин!

Желаем вам, чтоб в сроке скором
Предстал пред вашим гордым взором
Покрытый мраком и позором,
Во прах поверженный Берлин!

Победным сталинским маршрутом
Мы все уверенно идём.
С недель каждой, с каждым днём
Мы приближаемся к минутам,
Когда в фашистском гаде лютном

Сустав последний захрустит
И громовым своим салютом
Победу над немецким спрутом
Москва всемирно возвестит!

1/V—44

ПОДВИГ

Несчётным голосам, теплом согрета майским,
Внимает родина, могучих сил полна,
Чутьём испытанным, заботливо-хозяйским,
Значенье голосов распознаёт она.
От зеленеющих Карпат к горам Алтайским
Двойной доносят гул — работа и война.

Колхозные поля пропитывает влага,
Кормя и зёрнышко, и свеженький росток.
Стихийна в пахарях к трудам весенним тяга.
В колхозной кузнице усердный работяга
Стучит безустали весёлый молоток.

Заводы, рудники, железные дороги
Стремятся перекрыть вчерашних цифр итоги.
Юг, север, запад и восток
В могучий творческий включилися поток!

В морях идут бой за честь родного флага.
На суше — пушек гром, с площадок взлётных
ввысь

Стальные соколы взвились.
Труд и военная отвага
В едином подвиге слились!

С Л О В А М В О Ж Д Я В О С Т О Р Ж Е Н Н О В Н И М А Я ...

В час самый ранний Первомай,
Словам Вождя восторженно внимая,
Прильнула к рупорам родная вся страна.
Смысл слова каждого продумала она.

Приказ Вождя есть директива,
В которой важен каждый слог.
Звучат в приказе два мотива:
Событий прошлого итог
И дней грядущих перспектива.

Сомнений нет: враг проиграл войну,
Зверь раненый ползёт в свою берлогу.
К такому ль он готовился итогу?
Враг должен быть добит и за свою вину
Не шерстью, выдранной в его хвосте и в гриве,
Не рёбрами и не спиной,
Ответить должен — головой!
Об этой ли мечтал он перспективе?
Но для того, кто нёс культурной нашей ниве
Смертельный яд и смрадный гной,
Она не может быть иной!

Напрасно враг хитрит, внушая сателлитам,
Своим сподручникам-бандитам,
И прочему-иному дурачю,
Что пусть победы нет, иначе
При этой явной неудаче

Он может всё-таки войну «сыграть вничью»!
Вничью! Уж не подстать врагу, оставив ногу,
В победную рядиться тогу.

Кого обманет этот вид?

Но всё же враг уйти от кары норовит.
Зверь раненый ползёт в свою берлогу.
Берлога не спасёт. Зверь будет в ней добит!

Всё это так. И это нами

Подтверждено вчера салютными громами
Москвы и наших всех славнейших городов
В честь исторических побед и достижений

Героев наших двух фронтов —

На поприще труда и на полях сражений!

2/V—44

НАРОДНЫМ ГЕРОИНЯМ

Сёстры наши и подруги,
Вашу доблесть и заслуги,
Ваши подвиги-дела
Свято чтя, страна родная,
Честь героюству отдавая,
Лавром славы обвила
Мрамор вашего чела!

Сёстры, мы ль бесславно сгинем?!
Солнце знает в небе синем,
Что мы боремся — за свет!
Враг упрётся — опрокинем!
Горы встанут — горы сдвинем,
Продолжая путь побед!

Вам, народным героиням,
Братский праздничный привет!

БОЕВОЙ ПРИЗЫВ

О русской женщине любовные слова
Волной разносятся эфирной, —
Всё, что поёт о ней и говорит Москва,
Легендой сделалось всемирной.

Она — отважна и быстра,
Помочь бойцам повсюду поспевая,
Она и снайпер, и сестра,
И сандружинница на фронте боевая.

В тылу таких заводов нет, —
Немыслимо представить даже! —
Где б не мелькал её платок или берет,
Или шугай, давно свой потерявший цвет,
Насквозь промасленный, весь в копоты и в саже.

Она у молота, токарного станка,
В прохладной сборочной и в пламенной литейной,
И гордо хвалится почётная доска
Работою её первостатейной!

В колхозе на её плечах
Неизмеримая гигантская работа,
Волненье жаркое горит в её очах
И неустанная отражена забота.

В колхозных сотах нет, куда ни загляни,
Ячейки, где б она свой вклад не привносила, —

Здесь в боевые наши дни
Она — решающая сила!

В дни эти грозные, среди тяжестей войны,
О сёстры наши и подруги,
Вы показали, как и духом вы сильны
И волею сталиеупруги.

Народом, всей родной страной оценены
И доблесть ваша и заслуги!
Враг, рвавшийся на юг на наш и на восток,
Он получил от нас убийственный урок.

Мы поработали — и тыл и фронт — не даром!
Но враг ещё силён, упорен и жесток,
И должен, сёстры, стать ваш трудовой поток
Ещё полней, сильнее, чтоб в надлежащий срок
Нам повалить врага решительным ударом!

*Пусть новых подвигов могучая волна
Обрушит на врага наш гнев неукротимый!
Вас к этому зовёт родная вся страна,
Зовёт наш фронт и Вождь любимый!*

8/III—43

НАРОДНЫЙ ПРИВЕТ!

Гордяся подвигом родных богатырей,
Своих отцов и матерей,
Потомки наши в честь их доблести совместной,
Дотоле миру неизвестной
И явленной дотоль невиданной войной,
На русской площади со славою вселенской
Воздвигнут памятник двойной
С фигурами — мужской и женской!

Да, русской женщиной по праву мы горды,
Горды по-кровному, по-свойски:
Нет испытания такого, нет страды,
С которыми б она не справилась героически!

На фронте видим мы её среди бойцов,
У краснокрестного её мы видим флага.
О, сколько дали нам бессмертных образцов
Её любовь, её отвага!

С мужским трудом она освоилась вполне.
Её движения уверенны и чётки.
Её энергией сильны вдвойне, втройне
Заводы, фабрики, лесные разработки.

В колхозе, здесь она на поле — тракторист,
Комбайнер бравый и штурвальный,
У молотилки — машинист,

В правлении, ведя работ нарядный лист, —
Распорядитель идеальный.

Совместно с ней грома фашистский подлый
сброд,

Её величием гордясь пред целым светом,
Чтя героизм её, советский весь народ
Её приветствует восторженным приветом!

8/III—44

«ПОДНАЖМЁМ!»

На фронте случай был — не редкий, скажем
точно.

Фашисты на горé устроились прочно.

Им неприступною казалась их гора.

Но просчиталась немчура.

Разведав подступы к врагу, в ночную пору

Советские бойцы атаковали гору.

Услыша русское победное «ура»

И богатырского не выдержав напору,

Фашисты в страхе дали дёру.

— Победа, братцы! — Ну ж-жара! —

Не обошлось без разговору:

Передохнуть бы в самый раз.

Но тут послышался приказ,

Майор скомандовал отчётливо и зычно,

Как он командовал обычно:

— Вперёд! Минута дорогá!

Не выпускать из рук врага!

Фашистские бандиты

Разбиты,

Но не добыты!

Победы нет, пока врага мы не добьём.

Вперёд, герои! Поднажмём!

Герои поднажали.

Фашисты через час — которые лежали,

Как падаль, там и тут, —
Которые в кустах визжали:
— Капут! — Капут! —
(По-ихнему: «Сдаёмся! Крышка!»)
— Привал, ребята! Передышка!
Ну, вот теперь другой выходит разговор! —
Команду завершил майор
Весёлой шуткой-балагуркой:
— Теперь займёмся перекуркой
И силы подкрепим свои,
Ведь впереди ещё — бои!

Мораль для повести, что дрожжи для опары,
Товарищи, герои-сталевары,
Задача наша не проста ль?
Она оформлена в коротком слове: *сталь!*
Фронт требует: — побольше стали! —
Нам немцы угрожать ещё не перестали.
Победы нет, пока врага мы не добьём,
Бандитам нанося смертельные удары!
Друзья-прокатчики, герои-сталевары,
Побольше стали! Поднажмём!

СТРАШНЕЕ НЕТ СУДА...

Вчера мы видели бандитов, кровопийц,
 Раствлителей, детоубийц,
Людского всякого лишившихся подобья,
Дегенератов злых, глядящих исподлобья.

Вот звери, что рвались к Москве, к её венцу,
 Трофеев жажда богатых! —
Их по Садовому кольцу
Вели оборванных, невымытых и лохматых.

Держа детишек на плечах,
Глядели москвичи на это продвиженье.
Сурово было их молчанье, в их очах
Сверкали ненависть и гордое презренье!

Все, все преступники возмездье понесут.
 — Но таковы их преступленья,
Что нет забвенья им и нет им искупленья!
 Страшнее нет суда, чем суд,
 Переходящий в поколенья!

18/VI—44

ОТРАДНО СОЗНАВАТЬ

С врагами воевать родимая страна
Была не раз принуждена.
Не в новость ей врагов свирепая навалка.
Но в трудностях войны была укреплена
Народной доблести закалка!

Война, храня народ от вражеских клещей
Защитой бытия его и прав верховных,
Являла крепость сил его и связей кровных.
Война — мерило всех вещей
Материальных и духовных.

Геройски отстояв к грядущему мосты,
Вновь возвращался он на мирные посты,
Прославивший себя в боях народ-строитель.
Нет большей радости, нет выше красоты,
Чем в гордом слове — *победитель!*

Врага подлеяшего мы приняли в штыки.
Он, раненый, рычит, оскаливши клыки.
Принудивши его искать путей отхода,
Врага мы в логове его должны достать
И там добить его, фашистского уroda!

Сверхбогатырскую в борьбе явивши стать,
Народ наш пережил три беспримерных года.
Свой подвиг приводя к победному концу,
Отрадно сознавать советскому бойцу,
Что он — отважный сын великого народа!

24/VI—44

В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ НА РЕКЕ

Шумят детишки на реке,
Одни купаются, другие
Нашли приют на островке,
Тела их бронзово-тугие
И целомудренно-нагие
Блестят в воде и на песке.
Как жизнью, как детьми своими,
Залюбовалось солнце ими.
Приветно с берега реки
К ним наклонились тростники.
Во всей природе столько неги!
Отраднa летняя пора.
Цветите, юные побеги!
Расти, родная детвора!

Оберегая ваше детство,
Своей мы жизни не щадим.
Мы величайшее наследство
Любовно вам передадим.
Храня его, в его защите
Вы, превратясь в стальных бойцов,
Бессмертной славой завершите
Путь героический отцов!

ХОЗЯИН

Повесть

Бывает так, что мы — одни,
И всё же мы не одиноки.
В те исторические дни,
Когда пишу я эти строки,
Богатыри родной страны,
Я вижу вас в делах войны.
Наш враг в панической тревоге:
Сомнений нет ни у кого,
Что в скором времени его
Добьёте вы в его берлоге
И — победители — потом
Сквозь гул приветствий по дороге
Вернётесь в свой иль отчий дом.
Здесь ждёт вас встреча на пороге
С отцом и с матерью родной,
Иль с бабушкой ещё не хилой,
С сестрою, братом и женой,
С подругой иль невестой милой.
Соседи набегут на двор.
Пойдёт всеобщий разговор,
Слова тут станут сами литься.
Всем будет что порассказать,
Про что спросить, что показать,
Чем горделиво похвалиться.
Придётся вам, бойцам, не раз,
Домашний слушая рассказ,
Иному делу подивиться,

Иным примером умилиться:
— Так вот вы, значит, как без нас!
Шагали, значит, с нами в ногу.
Да вы ж герои все, ей-богу! —

Герои, да, и старики
И, что важней всего, подростки.
Героев юных не с руки
Хвалить мне с первой же строки,
Их ставить сразу на подмости:
Они и так ведь на виду,
Отмечены чертой глубинной,
Чертой исконной в их роду —
Недетской, сказочно-былинной
Любовью к родине, к труду.

Об этом в повести недлинной
Я речь правдиво поведу.

*

Казалась жизнь извечным благом,
И вдруг — огонь прожёт сердца:
Война! На фронт зовут бойца.
Егорка шёл широким шагом,
Не отставая от отца.
Мать с малышами шла за ними,
Полна вся думами своими:
Муж уцелеет ли в бою?
Руками женскими одними
Как поддержать ей дом, семью?

В конце деревни, возле клёна,
Побагровевший чей убор
Осыпал землю и забор,
Сказал отец: — Не плачь, Алёна:

Авось, как немцев победим,
Вернуся жив и невредим.
Заметь, проверено войною,
Что смелых пуля не берёт! —
С детьми простившись и с женою,
Он быстро зашагал вперёд.

Пройдя немного, обернулся,
На деревушку оглянулся,
Не видел вроде до сих пор.
Проникся чувством умиления:
— Вон детский сад... Вон дом правленья...
А вон — просторный скотный двор...
Чей поработал здесь топор?
Вся эта плотничья работа
Моя, Раздолина Федота! —

Он на пригорок бросил взор.
Пред ним, не уходя с пригорка,
Его родная вся четвёрка,
Жена, сынок старшой, Егорка,
И двое малышей-ребят
Стоят, как на портрете, в ряд:
Жена в платке крестьянском чёрном,
Дочь, Валя, с личиком задорным,
Вцепилась в маму, егоза,
Девятилетний Анатолий
Трёт хмуро кулачком глаза, —
Егорка всех взрослых, поболее...
— Проворен парень и толков.
Придётся — нету мужиков! —
Ему хозяйство весть неволей.
Как сладит? Возраст ведь каков:
Всего четырнадцать годков!

Мог про Егорку кто угодно
Сказать: он не пойдёт с сумой,
Безделье малому не сродно.
Учился в школе он зимой
И возвращался ежегодно
С похвальной грамотой домой,
Служа другим во всём примером,
Был образцовым пионером,
Ребятам дружным — друг прямой.
Был крепко падох он на книгу:
Иному сунь скорей ковригу,
Он — хлеба мог не взять куска
В ночное летом, жадно книгу
Суя за пряжку пояска.
Над рыбной ловлею парнишки
Смеялись люди сколько раз:
Клюёт рыбёшка, но от книжки
Не оторвать парнишке глаз!

Сказал отцу его, Федоту,
Однажды так сосед Кузьма:
— О сыне поимей заботу,
Парнишка — умственный весьма.
Его, в моей будь это власти,
Я б двинул по учёной части. —
Федот на это промолчал,
Не оказаться чтоб в конфузе,
Но сам давно уж намечал
Для сына умственный причал
В каком-нибудь советском вузе
И, раздобыв комплект программ,
В них в каждую вникая строчку,
Частенько он по вечерам
«Путёвку в жизнь» искал сыночку.

Его отцовские мечты
Пленились не одним примером:
Он видел — строит сын мосты,
Став первоклассным инженером, —
То крупным стал Егор врачом,
И обязательно колхозным,
То образованным ткачом,
То агрономом стал серьёзным, —
То сын его средь гор и скал
Руду железную искал...

Война отцовские подборки
Смела, лишила всех корней.
Война! Везде лишь речь о ней.
Ушёл на фронт отец Егорки:
Артиллеристы там нужней.
О книгах нету речи боле:
Сошёл с Егорки книжный хмель.
Сложил он книги все в портфель.
(Им премирован был он в школе!)
— Лежите, — он сказал, — доколе
Вновь не понадобятся мне,
Когда придёт конец войне! —
И с грустью после предисловья,
Вбив толстый гвоздь у изголовья,
Портфель повесил на стене.

*

Как и везде, в деревне Горки
Война народ подобрала.
С войной у юного Егорки
Пошли по-взрослому дела.
Как взрослый, он пахал и сеял,
Как взрослый, хлеб он убирал,

Хлеб убирал — скирды метал,
Как взрослый, молотил и веял.
Потом с пилой и топором,
С отцовским, стало быть, добром,
Он, практикуясь понемногу,
Встал на отцовскую дорогу.
Хотя не строил он хором,
Но все почуяли нутром:
В нём плотник редкостный открылся,
Ему, что хочешь, закажи.
Он в разных справочниках рылся.
Учился делать чертежи.
Что дело у него спорится,
В соседнем знали уж селе.
Он голову, как говорится,
Умел прикладывать к пиле.
И не к одной пиле. Телега
В трясину ухнула с разбега.
Как быть? Подмоги нет кругом.
Егорка объяснит «научно»,
Как одному благополучно
Поднять телегу — рычагом.
Рычаг! Слово загнёт какое!
Егорка не сидит в покое:
Прелюбопытную на взгляд
Затеял мастерить игрушку,
«Модель», особую кормушку
Для самых маленьких телят.

Но было всем не до кормушки:
Уж невдали гремели пушки.
Скот угонялся на восток.
И вот до Горок, деревушки,
Достигнул вражеский поток,

Верней, немецкий хоботок,
Мразь, батальон какой-то сводный,
Сплошь весь ободраный, голодный.
Вошло ворьё во все дома.
Полезли немцы в закрома,
Обшарили все кладовушки,
Тащили платье и подушки,
Из печек брали хлеб сырой,
Ещё не обданный жарой,
Что попадалось из съестного,
Из рыбного или мясного,
Всё пожиралось немчурой.
Фашисты с бабушки Егорки
Содрали валенки-опорки,
Сорвали с матери платок,
Большой платок, тот самый, чёрный.
Какой-то немец тошнотворный
Платок в бестарку поволок,
Где вся поклажа состояла
Лишь из одних таких платков.
— Мороз. Платки для наш полков
Позлюжит зместо одеяла! —
Сидела дома детвора,
А в школе грелась немчура:
Глотая спирт за стопкой стопку,
Бросали немцы книги в печь.
Не удалось книг сберечь:
Пошёл Тургенев на растопку!

Ждала деревня светлых дней
И дождалась. Вздохнув вольней,
Она впивала воздух чистый.
Не засиделись немцы в ней:
Их наши выбили танкисты.

Войдя за ними, наш отряд
Узрел знакомую картину:
Бурлит огонь, дома горят,
Не все, однакоже, подряд:
Спеша, боясь подставить спину
Под штык, под пулю, под снаряд,
Враг свой разбойничий обряд
Исполнил лишь наполовину.
Семье федотовой судьба
Отрадных дней не предвещала:
Там, где была её изба,
Лишь обгорелая труба
Над пеплом тлеющим торчала.

Война! В ней есть своя краса.
Далёких предков голоса
Нам слышатся в её тревогах.
И не пустые словеса,
Что на больших её дорогах
Порой бывают чудеса.
Случилось так: с немецкой сворой
В районе том сводила счёт
Как раз дивизия, в которой
Бойцом Раздолин был, Федот.
Тоска по родине, что шило:
Вонзится в сердце, сердце — ёк!
Федота счастье оглушило:
Ему начальство разрешило
С родной семьёй провести денёк.
И вот немецкое злодейство
Пред ним открылось: холод лют,
А дом сожжён, его семейство
В чужом углу нашло приют.
— Ну, немец, я ж тебя согрею! —

Федот от бешенства дрожал.
День проведя с семьёй своею,
Федот вернулся в батарею.

*

Отца Егорка провожал.
В пути продрог. Был день морозный.
Жилья чужого теплота,
Как ни приятна, но — не та.
Егорка хмурый стал, серьёзный,
Вдруг перерос свои лета.
Жизнь без работы — маята.
Чтоб убережь запас навозный,
Стал чистить скотный двор колхозный,
В котором не было скота.
Вновь занялся уж не игрушкой,
А настоящей кормушкой
На удивление ребят:
— Кормушка есть, а нет телят!
— Аль скот вернуть нам позабудут? —
На то егоркин был ответ:
— Телят покамест, верно, нет, —
Вернётся скот, телята будут,
Всё будет, малость погода! —
Ребята это понимали.
В колхозе немцы, уходя,
Весь инвентарь переломали,
Ни вил не стало, ни лопат,
А сору — выше подбородка.
Егорка подобрал ребят
Себе подстать, своих погодков,
И вот — в колхозе грабли есть,
Их изготовили на честь,
Есть мётлы, мусор чем подместь,

На ручки вилы насадили,
Везде порядок наводили,
В конюшню — сделали что с ней! —
Хоть заводи сейчас коней!

У погорельцев уйма дела.
Нужда со всех сторон глядела:
Всё — избы, утварь и бельё —
Сожгло немецкое жульё, —
Амбарчик, банька уцелела,
То счастье: всё-таки жильё.
Другим — уж тут не до гулянки! —
Пришлось наспех рыть землянки
Иль забиваться в блиндажи.
Житьё! Что может быть плачевней?
Егорка тут пред всей деревней
Себя возьми и окажи:
— Не стану я копать землянку! —
И к председателю: — В лесу
Прошу мне выделить делянку,
На сруб я брёвен припасу.
— На сруб?
— На ладный, без обману.
Небось, клетушки класть не стану.
Война красна своим концом.
Как с фронта мой отец вернётся,
Пусть он довольно улыбнётся.
Не стыдно будет пред отцом:
Я покажу товар лицом!

— В делянке нет тебе отказу.
Егорка встрял в работу сразу.
На стройке зазвенел топор.
Сруб рос всё выше, выше, выше.

Топор звенел уже на крыше.
Прошла сквозь крышу уж труба.
Все видят: ладная изба!
— Что ж мы в землянках-то спасались? —
У многих руки зачесались.
Пошли дела наперебой.
Видали б немцы-душегубы:
Где после них остались трубы,
Там, рядом с первою избой,
Белели новенькие срубы.
Нет стройки радостней труда.
Устройство своего гнезда —
Наиприятнейшее бремя.
И то сказать: ведь не на время
Гнездились люди — навсегда!
Какой-то новую приметой,
Великим новым образцом
Труд выражался в стройке этой,
Упорным начатой юнцом.

Любуясь новою избою,
Её отделкой и резьбою,
Егорка пред своим крыльцом
Стоял с сияющим лицом:
— Есть, как отец вернётся с бою,
Чем похвалиться пред отцом! —
Через неделю — вот веселье! —
Справлял Егорка новоселье.
От стен сосновый свежий дух.
Дорожки. Чисто, словно в келье.
А на столе шумел, не тух,
Гостей вгоняя в пот обильный,
Огромный самовар «фамильный».
(От немчуры он был укрыт,

В саду с вещами был зарыт.)
Тарелки на столе с брусникой,
Превкусной ягодкою дикой.
Чай пили с блюдечек взасос.
Была закуска небогатой,
Ведь дом достатком не оброс.
Егорка, тонок, остронос,
Сидел с улыбкой виноватой
Над книгой пухлой и лохматой,
Его прельстившею весьма
Презанимательной начинкой,
Амурной разной чертовщинкой,
Точней — мальчика сводил с ума
«Виконт де Бражелон» Дюма.
Сидел он в праздничной одежде,
Ещё потёртой не вполне.
Его портфель висел, как прежде,
У изголовья на стене.

Письмо лежало перед Валею
Отцу на фронт — поди, узнай,
За Днестр, за Вислу, за Дунай
Или ещё куда подалей!
Отец узнает из письма,
То скажет первая уж строчка,
Что Валя — грамотная дочка,
Письмо составила сама
С пренебреженьем трудных правил.
В письме весть главная о том,
Что брат Егорка дом поставил,
С сеньями, во! Хороший дом!

Потом... потом... Что, бишь, потом?
Ах, да! Придумывать не надо:

Вернулося в деревню стадо.
Теперь деревня со скотом.
Всем стойлам сделали просушку.
Какой в телятнике уют!
Телятницы в ладоши бьют,
Когда в егоркину кормушку
Телята мордочки суют!
К ярму приучены коровы —
Коней нехватка ведь сейчас.
«С тем будьте, тятенька, здоровы,
Не беспокойтесь о нас!»

Письмо найдёт отца, нагонит,
Хоть бьёт он немцев далеко.
Его письмо дочурки тронет,
Он на письмо слезу уронит,
На сердце станет так легко.
Как разговор пойдёт про семьи,
Федот при случае таком
Перед товарищами всеми
Родным похвалится сынком:
Вот, мол, каков Егор Раздолин!
Умишком, впрямь, не обездолен:
Чего способен натворить!
— Сынишкой крепко я доволен:
Хозяин, что и говорить!

Товарищи на речь Федота
Ответят весело: — Ну, вот!
Грустил порою ты, Федот,
О детях мучила забота.
А что мы видим там и тут?

Что ты тревожился напрасно:
Дела у нас идут прекрасно,
И в детях наших — это ясно —
Герои новые растут!

28/1—45

ЖИЛА-БЫЛА СОБАКА

Жила-была собака,
Имевшая обычай
В соседние аулы
Метаться за добычей.

Едва дымком потянет
В каком-нибудь ауле,
Туда стремглав собака
Летит, подобно пуле.

Чуть в бубны где ударят,
Народ где запирует,
Она туда ворвётся
И что-нибудь сворует.

Такого не стерпевши
Лихого самоволья,
Решили в двух аулах
Собаку взять в дреколья.

Тут крепко бьют собаку
И там колотят знатно.
Собака заметалась
Туда-сюда-обратно.

Посыпались удары
С одной, с другой сторонки.

Измаялась собака
От непрерывной гонки.

От жажды у собаки
Утроба пересохла.
Свалилася собака
И к вечеру — подохла.

*

Пример такого рода
Дням нынешним довлеет:
Фашистская собака
От гонки околеет.

Внедряясь в лес фашистский,
Отбив уж край опушки,
В Нормандии грохочут
Союзные нам пушки.

Хоть враг твердит притворно:
— Не страшно мне вторженье! —
Но он попал бесспорно
В «собачье положенье»!

**СЛАВА РОДИНЕ НАШЕЙ ПРЕКРАСНОЙ,
СОЗДАЮЩЕЙ ПОДОБНЫХ ЛЮДЕЙ!**

Ещё пушки гремели кругом,
Не утих ещё бой со свирепым врагом,
Ещё вражьего сопротивленья
Была ярость крепка,
Ещё рушил огонь города и селенья,
Но шахтёрская уж застучала кирка,
И в колхозах— от малого до старика —
Торопились, под пулями хлеб убирая,
Возродить прежний облик донецкого края.

*

Год прошёл с той поры,
Как не стало в Донбассе зверья-немчуры.
Эту мерзость мы вышибли взáшей
Из пределов прекраснейшей Родины нашей!
Год прошёл, и когда-то цветущий Донбасс,
Превращённый врагами в пустыню, в руины,
Всех порадовал нас —
И вождя, и страну, и рабочий наш класс,
Рапортуя в свои именины
О невиданном в мире размахе труда,
О чудесных делах своего возрожденья,
Как деревни вновь ожили и города,
Из затопленных шахт как сливалась вода,
Исправлялися как поврежденья.
Вот забойщик отменнейший, Гурьян Иван,

И товарищи с ним. Все в мороз, в непогоду,
В ледяную на шахте спускалися воду,
Чтоб извлечь все машины, что враг затопил.
Торопился Иван и друзей торопил:
— Поднимают завод! Уголь нужен заводу! —
Вот в чью честь написать надо оду!

Вот забойщик Алейников. Дед.
Ему семьдесят лет.
Но Ивану Егорычу годы — не в годы.
Потому — богатырь пролетарской породы,
А не дряблый, набитый костями, мешок.
Взял он в руки опять обушок
И пошёл молодцом по забою,
Прихвативши семейство с собою,
Вместе, значит, с тремя дочерьми и сынком.
Вот бы песню составить о ком!

Муж на фронте, а жена что ж, в отнорок?
Брат — танкист, а сестра — при нужде — не
шахтёр?

Сколько жён и сестёр
За войну превратились в Донбассе в шахтёрок!
Не спроста, чай, среди местных живых поговорок
Есть такие: «Муж — в бой,
А жена, вместо мужа, в забой,
А сестра — у ствола».
Вот в Донбассе творятся какие дела:
Всё семейство горняцкое уголь рубает,
Фрицев бить помогает!
Металлурги Донбасса — железный народ.
Надо заново было построить завод.
Тут сказалася их боевая натура:
Кто, как плотник прямой, зазвенел топором,

Кто стал каменщиком, кто в цеху маляром,
Кто собой заменил штукатура.

Сталевар знаменитый, Гордей Шкарабура,
Чтоб скорее дать фронту металл,
Печником преизряднейшим стал.

— Сталевар — печником, по нужде — без
чуждачества! —

И в намеченный срок возродил свою печь,
Из которой металл начал течь

Высочайшего качества!

Честь и слава тебе, брат и друг наш, Гордей!

Слава Родине нашей прекрасной,
Создающей подобных людей!

Слава дружбе любовно-согласной

Всех народов её, сыновей, дочерей,

Слава рати рабочей и рати колхозной!

Слава армии нашей могучей и грозной,

Состоящей из подлинных богатырей!

Красный фронт — богатырская наша застава!

Бой победный с врагами ведя,

Пред всем светом, уверенна и величава,

Просияла великая наша Держава.

И сегодня она, нашу гордость будя,

Славит подвиг всемирный родного Вождя:

— Лучезарному гению Сталина — слава!

КРЫСЫ ТОНУЩЕГО КОРАБЛЯ

У крыс фашистских зреют планы,
Иные крысы уж в пути:
Упаковавши чемоданы,
Через моря и океаны
Они спешат в такие страны,
Где б и следов их не найти.

Но подлым крысам быть в ответе!
Будь это остров, или мыс,
Иль Аргентина на примете,
Такого места нет на свете,
Где б не нашли немецких крыс.

Природа что-нибудь да значит.
Зря крыса там себя дурачит:
— Шмыгну в кусты или под мост! —
Где крыса голову упрячет,
Там крысу выдаст — длинный хвост!

1/XII—44

ПЕРЕД СИГНАЛОМ

Казалось, сошла с основ земная ось
И варварский потоп грозит родной планете,
Враг ждал, что русский путь пойдёт и вкривь
и вкось,
Но вождь наш зорок был и твёрд в своём обете:
Его пророчество в Москве, в её Совете —
На нашей улице быть празднику! — сбылось,
Как ни одно пророчество на свете.

Очистив Родину от зло-фашистских змей,
В сознании правоты своей,
Сильны, отважны и умелы,
Во вражьи вторглись мы пределы!

В Берлине хвастались: как Волга далеко!
Как будет немцам жить легко,
Когда мы русского повалим исполина!
Теперь мы меряем, насколько велико
Всё расстояние — от Волги до Берлина!

Берлин! Здесь логово врага,
И мы в него войдём через месяцы, не годы.
Врагу мы волжские припомним берега,
Мы всё напомним вам, фашистские уроды:
И чем нам Родина безмерно дорога,
И чем кончались все на неё походы!
Чтоб видеть, чем поход кончается для вас,

Не надобно смотреть в большие телескопы.
Весь наш народ, собрав всех сил своих запас,
 Обрушился в нежданный вами час
На ваши полчища, на дзоты, на окопы.
 От вас, погромщиков, он спас
 Цивилизацию Европы.

Он не дал погасить и растоптать дотла
Всего, чем наша жизнь светла
И что разит врага и красит подвиг друга!
Вот в чём, поистине, великая была
Пред человечеством пред всем его заслуга!

 Заслугой этой мы горды
И после боевой неслыханной страды,
 Кровопролитнейших сражений,
 Жестоких вражьих поражений
И полного — из мест её вторжений —
 Изгнанья вражеской орды,
Мы, исполнители всех чаяний народных,
Сигнала ждём, в своём решении тверды —
Во вражье логово, сомкнув свои ряды,
 С позиций ринуться исходных!

ЗМЕИНАЯ ПРИРОДА

Басня

... Лучшая змея,
По мне, ни к чорту не годится.

И. А. Крылов

Стрелок был в сапогах добротных,
Охотничьих, подкованных и плотных.
Он придавил змею железным каблуком.
Взмолилася змея перед стрелком:

— Не разлучай меня со светом!

Я натворила много зла,

Винюсь и ставлю крест на этом!

Есть змеи подлые. Я не из их числа.

Я буду, позабыв, что значит слово «злоба»,

Великодушие твоё ценить до гроба.

Вот доказательство: два зуба у меня,

В обоих яд, их все боятся, как огня.

Ты можешь выкрушить мне оба!

— Умильны, — отвечал стрелок, — слова твои,

Но только тот от них растает,

Природы кто твоей не знает:

Коль не добить, зубов лишившейся, змеи,

Пасть снова у неё зубами зарастает!

*

Ещё не наступили дни,

Но все мы знаем, что они

Не за горою,

Когда, прижатая железным каблуком,

Прикинувшись чуть не родной сестрою,

Фашистская змея затреплет языком:

— Клянусь, я жизнь свою по-новому устрою,
Ребёнку малому не причиню вреда.
Россия!.. Господи, да чтобы я когда...

Я горько плакала порою,
Все, мной сожжённые, припомнив города!
Я каюсь и в своём раскаяньи тверда! —
Да мало ли чего ещё змея наскажет,
Но зубы вырастут, она их вновь покажет,
Все покаянные свои забыв слова.
Змеинная природа такова!
Змея, раскаявшись наружно,
Не станет жить с одной травы.
Лишить её, конечно, нужно,
Но не зубов, а — головы!

ЗА СОВЕТСКОЕ ОТЕЧЕСТВО!

Любовь к Отечеству всех доблестей начало.
Любовью этой мы сильны. На том стоим.
Оно росло, цвело, мужало и крепчало,
И поражало мир величием своим.
Речь первая о нём там, где сойдутся двое,
К нему обращены сердца их и глаза.
Содружество его народов боевое
Сказалось — для врагов смертельно-роковое —
В фашистском ужасе и похоронном вое:
Столь сокрушительна была его гроза!
Мы чтим Отечество и чтим его Законы,
Их не отнять у нас: какие лишь циклоны
К земле ни гнули нас и не могли согнуть!
Бой за Отечество ведя, свои заслоны
Мы двинули вперёд, и мы щадить не склонны
Зверьё, что на него дерзнуло посягнуть!

Преодолели мы тягчайшую науку.
Мы пред врагом стоим с карающим мечом.
*Кто на Отечество на наше поднял руку,
Тому мы руку — отсечём!*

5/XII—44

НЕИЗЛЕЧИМО БОЛЬНОЙ
или
ИЗДЫХАЮЩИЙ ГИТЛЕР

В связи с событиями в Венгрии в Вене царит паника. На железнодорожных вокзалах образовались очереди бегущих, стремящихся уехать любым поездом.

(Из газет)

Он растерялся, он убит.
В здоровьи нету перемены.
Его болезнь — тромбофлебит —
Грозит закупоркою Вены.

Кровоподтёки. Хрип в груди.
Что Вена? Вена — род трамплина!
Больному явно впереди
Грозит закупорка Берлина!

17/XII—44

ШУЛ ЕРА

Басня

Иная фабула уж до чего стара,
Но как она порой подходит к разговору
О том, что было лишь вчера.

В один богатый дом, куда на вечера
Гостей не звали без разбору,
Чрез главный вход, то ль со двора
Проникли как-то шулера,
Проникли в самую, как им казалось, пору:
За ломберным столом шла крупная игра
По-честному, таков был признанный обычай.
Решили шулера: быть нынче им с добычей,
Гостей всех оберут, на то ведь мастера!
И точно: козыри в их сторону ложились.
Тут гости все насторожились.
Глаз не спуская с наглецов,
Напрягши зоркость всю, соединив усилья,
Им удалось в конце концов
«Налётчикам» подрезать крылья:
Шпана «поддужная» продулась в пух и прах.
Хоть главарю грозил такой же точно крах,
Главарь, однако, не сдавался:
— Сейчас я проигрыш верну,
Такою картой козырну!.. —
Но каждый новый трюк у шулера срывался
(Не помогала ловкость рук!).
Всё ж хорохорился он с миною задорной

До самого конца игры упорной,
Когда, продувшись, он последний сделал
трюк:

Подтяжки отстегнув от брюк,
На них повесился в уборной!

Так у фашистов до сих пор
Звучат в речах, в статьях — бахвальство и задор.
Кто уподобить смел их праздник панихиде?
Не саван впору им, а свадебный убор!
Дела их, дескать, в лучшем виде,
Не всё потеряно, они-де
Любому натиску способны дать отпор
И могут выдержать любое ратоборство!

Всё это — явный вздор
И показное хорохорство.
В час для фашистов роковой,
Когда весь проигрыш они исчислят свой,
Что без коней они остались и упряжки, —
Придётся лезть им головой
В свои подтяжки!

ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА
или
БЕРЛИНСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
В НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

Дед рождественский в печали
Нёс в Берлин пустую ёлку.
— Стой! — эсэсовцы вскричали,
Ухватив его за холку.

Дед испугом был подавлен.
Он, захваченный средь ночи,
Был эсэсовцем представлен
Перед геббельсовы очи.

— Дед рождественский я, право! —
Шамкал дед, — живу недужно. —
Геббельс прыгал: — Bravo! Bravo!
Вот таких-то нам и нужно!

Сверхтотально,
Моментально
Мы на фронт тебя отправим!
Уж теперь-то, натурально,
Мы дела свои поправим,

Мы врагов своих проучим,
Нашу карту крыть им нечем:
Резервистом столь могучим
Мы победу обеспечим!

Но — мы сделаем добавку:
Немцам впору лезть в удавку,
Уж какая тут «победа»,
Раз пришлось им делать ставку
На... рождественского деда!

23/XII—44

«ТАНЕЦ СМЕРТИ»

(К опубликованию документов о немецких злодеяниях на территории Львовской области.)

Хоть немцы заметать следы и мастера,
Но, оказавшись без шапок-невидимок,
Они явили нам всю мерзость их нутра.
Злой смрад идёт от их кривляний и ужимок,
Как из помойного ведра.

Мы в «Правде» видели вчера
Фотографический их злодеяний снимок.
«Яновский лагерь» — этот ад
Средь злодеяний исключенье
По той жестокости, с какой немецкий гад
Изобретал для жертв предсмертное мученье.
Его свирепый комендант
Особый выявил талант:
В присутствии жены — змеи, сказать конкретней, —
И дочери (девятилетней),
Для удовольствия обеих, этот зверь
Расстреливал с балкона заключённых,
Повальной смерти обречённых.
Жена смеялась: — Дай автомат! Теперь
Моё искусство ты проверь,
Как наловчилась я стрелять из автомата. —
И удостоилась от мужа аттестата:
— Божественно! Рука фашистская видна.
— Ты — образцовая жена,
Могу сказать тебе по праву.
Теперь ты мастерством особым овладей. —

И матерой злодей
По убеждениям и по нраву
Велел подбрасывать малюточек-детей.
Ребёнка на лету сразил он пулей меткой,
За что похвален был своей родною «деткой»:
— Ах, интересно как! Ах, мама, посмотри!
Ещё, папуся, повтори! —
Кричала «деточка» задорно.
«Папуся» выстрелил повторно.
Так услаждалася и сообщая и врозь
Немецкая семья преступная насквозь.
Что гадам нравилось, то нравилось их «чаду».
— Ещё, папусенька, подбрось!
Нахохотавшись доупаду,
Гад гладил жирный свой живот:
— Фу! Чуть я со смеху не помер!
Бить на лету детей приятно, да. Но вот
Психологический я покажу вам номер.
Тут гад, побагровевши вдруг,
Средь лагеря поставил в круг
Живых — покуда — арестантов,
Злой смерти ждавших оркестрантов.
С минутой каждую всё пуще гад зверел
И с бранью «ну, играйте ж, черти!»
Под специальный «Танец смерти»
Советских граждан он поставил под расстрел.
Кошмарный снимок страшной группы
(Играющий оркестр и рядом трупы, трупы!)
Мы в памяти своей и в сердце сохраним.
В день грозного суда — а суд неустраним! —
Немецким извергам припомнив «Танец смерти»,
Мы скажем судьям: — Лгут преступники, не
верьте

Увёрткам их, не верьте им,

Ни стонам жалобным, ни воплям покаянным! —
И мы убеждены, чего и не таим,
Что «Танец смерти» им, фашистам окаянным,
Придётся проплясать самим!

24/XII—44

НОВЫЙ ГОД 1945-й

Новый год, держась правил,
В строй вступает по порядку.
Грозный танк он свой поставил
Под бензинную зарядку.
С этим делом — он дивится —
Управляется девица.

— Эй, — сказал ей молодчина
У цистерны у бензинной, —
Как зовут тебя, девчина?
— Называют люди Зиной.
— Так налей-ка мне бензина,
Чтоб хватило до Берлина!

31/ХІІ—44

РУСЬ

Где слово русских прозвучало,
Воспрянул друг, и враг поник.
Русь — наших доблестей начало
И животворных сил родник.

Служа её опорой твёрдой
В культурной стройке и в бою,
Любовью пламенной и гордой
Мы любим *Родину* свою!

Она — поборница свободы.
Её овеяны теплом,
Находят братские народы
Защиту под её крылом.

Несокрушимую Державой,
Объединясь в одну семью,
Словами песни величавой
Мы славим *Родину* свою!

Мы приближаемся к порогу
Неомрачимо-светлых дней.
Нам *Ленин* указал дорогу,
И *Сталин* нас ведёт по ней.

Крепя ученья их основы
В работе мирной и в строю,
Мы насмерть стать всегда готовы
В борьбе за *Родину* свою!

ЛЕНИН — СТАЛИН

I

Весь тунеядческий убрал с дороги класс,
Лишив былых корней разнеженное барство,
Он, выявив всю мощь многомиллионных масс,
Неисчерпаемый народных сил запас,
Советское стал строить государство.

Он строил не один: на славной борозде
С ним рядом шёл за общим плугом
Тот, кто бесценно был всегда, во всём, везде
Его соратником и беззаветным другом.

Не стало *Ленина*, до срока он угас.
Сражённый роковым недугом,
Но продолжали мы творить его наказ,
Руководимые его великим другом;

Он ленинским путём повёл к победам нас,
Он нашу мощь укрепил и в самый тяжкий час,
Отбив напор врага, отмстив его коварство,
Спас знамя *Ленина* и этим самым спас
Родное наше государство!

21/I—45

II

Ленин — Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья родины залог.

Путь грядущих поколений
Этим словом освещён.
Всенародный мудрый гений
В этом слове воплощён.

С ним, прославленным всесветно,
Трудовой и боевой
Мы — отважно, беззаветно! —
Совершаем подвиг свой.

Это слово всюду с нами,
Вдохновитель всех побед.
Это слово — наше знамя,
Клятва наша и обет!

Ленин — Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья родины залог!

22/III—45

МОСКВА — ВАРШАВЕ

I

Освободителям Варшавы наш салют!
Сегодня наши пушки бьют
Торжественный сигнал блистательной эпохи.
То перекличка двух столиц,
То — в зимнем небе — блеск зарниц,
Победы зреющей всполохи.

Варшава! Враг терзал её не год, не два.
Казалось, чёрная над нею смерть нависла.
И вот — Варшава вновь свободна и жива,
И плещет радостной волной пред нею Висла!
Торжественно её приветствует Москва,
И родственно звучат её слова,
Великого исполненные смысла!

Нет, не о розни вековой,
Не о разладе, им обоим ненавистном,
О дружбе говорят они о боевой
И о союзе бескорыстном!

Да будет же на долгие века
Их связь сердечная крепка,
И да покроется неомрачённой славой
Союз Москвы, творящей подвиг свой,
С соратницей своею боевой,
Демократической свободною Варшавой.

Дрожа, спасаясь от расправы,
Бегут фашистские удавы.
В Варшаве немцев больше нет!
Освободителям Варшавы
Наш гордый, боевой привет!

Охвачен паникою дикой,
От вас бежит фашистский зверь.
Пред Польшей вольной и великой
Вы распахнули настежь дверь:
— Смотри! Свободна ты теперь,
И в Вислу радостно глядится
Твоя прекрасная столица! —

Всей Польше шлём мы братски весть,
Что мы поможем ей расцвести
И засверкать волшебной новью.
Тому порукой — наша честь
И дружба, спаянная кровью!

17/I—45

БОЕВАЯ-ФРОНТОВАЯ

Держим гордую осанку.
Шпоры сами — звяк да звяк!
Нынче спели «Варшавянку»,
Завтра спляшем «Краковяк»!

Немцы бьются все упорно:
Меньше будет их в живых.
Немцы сволочи бесспорно:
Мы их бьём как таковых!

Били, бьём и бить их будем.
По делам им, псам, «почёт».
Мы их дел не позабудем
И за всё сведём расчёт.

Бьём мы немцев нынче люто,
Чтоб в Берлин ускорить путь.
В день по два, по три салюта —
Это значит что-нибудь!

«Зимно» в Польше, как известно,
А по-русски «холоднó».
Мы с поляками совместно
«Греем» немцев заодно.

Держим гордую осанку.
Шпоры сами — звяк да звяк!
Нынче спели «Варшавянку»,
Завтра спляшем «Краковяк»!

17/1—45

«ДЕНЬ САЛЮТОВ!»

Таких стремительных маршрутов
Не видел мир ещё пока:
С названьем славным
 «*День салютов!*»
День этот перейдёт в века.

В раскатах грозного похода
Сказались, гордость в нас будя,
И гений нашего народа,
И гений нашего вождя.

19/1—45

ВРАГА ПОЩАДИТЬ—В БЕДУ УГОДИТЬ

Басня

В пастуший, в золотой, как говорится, век
Жил-был пастух, добрейший человек.

По доброте своей безмерной,

Когда в степи он стадо пас,

Он даже как-то волка спас

От смерти верной,

Надёжным псам, точней сказать,

Он не дал волка растерзать:

— Острастку сделали, — сказал он, — и
прекрасно! —

Волк, дескать, тоже божья тварь

(Пословица была такая встарь!),

Так что ж губить его напрасно?

Он волка пожалел. Но не прошло трёх дней,

Как вышла пастуху за доброту награда:

Волк выбрал ночь потемней

И вырезал у пастуха полстада.

Пастух, конечно, был классический дурак,

Мы скажем так,

Судя по скорбным результатам.

Фашистским прихвостням и всем их адвокатам

Из басни вывод мы подносим, он таков:

Уничтожение волков

Должно законом быть в обычае пастушьем.

Мы за друзей стоим горой. Спокон веков.

Известны мы своим радушьем,

Но, скажем господам иным за рубежом,
Врага, что сердце нам хотел пронзить ножом,
Не склонны мы дивить своим великодушьем.
Мы перед *Родиной* ответственны во всём
И пред *потомками*. Пусть знают «адвокаты»:
Фашизму не избыть расплаты,
Ему мы голову снесём!

РЕЗОННЫЙ ОТВЕТ

Басня

В Восточной Пруссии, в лесу,
Лось повстречался с псом. Пёс мчался без
оглядки.

— Друг, — обратился лось к испуганному псу, —
С чего из города ты вдруг намазал пятки?

Аль там случились какие беспорядки?

— Ах, — жалко взвизгнул пёс, — не от добра я
здесь:

Под неприятельским обстрелом город весь!
А город был какой! Как выглядел нарядно,

Как ликовал, когда

По улицам его в минувшие года

Немецкие войска в Россию шли парадно!

— Мне, к счастью, в городе бывать не довелось, —

Ответил хмуρο лось, —

Но немцев знаю я и знаю их повадки.

В России, я слышал, настигла их беда.

Не надобно большой догадки,

Чтоб догадаться, что туда

Шли не затем они, чтоб строить города,

Так немцы в праце ли бросать упрёки русским,

Что к городам немецко-прусским

Они придвинули теперь свой грозный фронт

Отнюдь не для того, чтоб делать им 'ремонт!

НЕМЕЦКОЕ «НЕУДОБСТВО»

В результате русского наступления для Германии возникает то неудобство, что больше уже не существует запаса пространства, которое можно было бы стратегически использовать.

(«Дейче цейтунг ин Норвеген»
от 20 января с. г.)

С каким свирепым окаянством
Враги в советский вторглись двор!
Они гнались за *пространством*,
Им русский нужен был простор.

Враги ожглись. И вот тогда-то
«Пространство» стало им претить:
В том, что им стало туговато,
«Пространство», дескать, виновато,
«Пространство» надо сократить.

Досокращались в полном смысле:
Их фронт разорван, скомкан, смят,
Вчера громили их на Висле,
Сейчас на Одере громят.

И вот — какое постоянство! —
Враги опять морочат свет:
Эх, будь у них теперь пространство!
Беда, пространства больше нет!

Мы объяснять не станем длинно,
Как проиграл наш враг войну.
Пространство в этом не повинно.
Мы на себя берём вину.

К просторам русским для фашистов
Навек заказаны пути:
Убийц, воров-рецидивистов
Казнят иль держат взаперти!

25/1—45

С Т О Й И С Э Т О Й С Т О Р О Н Ы

— Мы устроим русским пробку!
Вот приказ строжайший мой! —
Нажимает Гитлер кнопку.
Телефон — глухонемой!

— Данциг! Данциг! Тоже глух ты? —
Данциг Гитлеру в ответ:
— Я не глух. Но только бухты
У меня уж больше нет!

Немцам мы... Раскроем скобку,
Правду мы сказать должны:
Мы устроили им пробку
С той и с этой стороны!

27/1—45

«П О М Е Р А Н Ц Ы»

29 января советские войска
вторглись в пределы немецкой
Померании.

(Хроника военных событий)

«Фрюлинг». Стало быть, весна.
Помер Ганс. Война! Война!
Наступило лето. «Зоммер».
Летом Фриц от раны помер.

Осень — «гербст». Сырой блиндаж.
Помер Карл. Причина та ж.
А за Карлом вслед — дахинтер —
Помер Франц зимою. «Винтер».

Помер этот, помер тот,
Помирают круглый год
Тотеншванцы, Розенкранцы...
Одним словом, «померанцы!»

29/1—45

«БЛУЖДАЮЩИЕ КОТЛЫ»

В своём обращении к солдатам Восточного фронта начальник генерального штаба немецкой армии генерал-полковник Гудериан заявил: «От берегов Вислы в её среднем течении наши «блуждающие котлы» движутся на запад».

Пришлось миру увидеть
Шедевр немецкого «парада»:
Котлы!.. Котлы!.. Котлы «блуждать»
Пустились со Сталинграда.

С тех пор усиленно росло
«Котлов блуждающих» число.
От их «блужданий» много ль толка?
Попавши в сети — не из шёлка! —
В них застревал весь наш «улов».
Из всех разгромленных котлов
Не уцелело и осколка!

Теперь котлов уже не счесть.
Их ждёт такая ж точно честь.
Их список длинный исполинским
Котлом закончится — «берлинским»!

Ему — мы можем утверждать —
Уж будет, некуда «блуждать»,
Придётся приговора ждать.
В тот час — сомнений нет — в Берлине
Не станет Гитлера в помине:

Конца страшася своего,
Он, потемнее выбрав ночь,
«Блуждать» умчится в одиночку, —
Но и «блужданию» его
Сумеем мы поставить точку!

Его подручных палачей
Не защитит покров ничей.
Фашизм — чума, наш долг (врачей!)
Навек убить его живучесть,
Хотя бы тысячи плачей
Его оплакивали участь!

31/1—45

БРАНДЕНБУРГ

Славянский край с седых времён,
Немецким сдавленный напором,
Когда-то назывался он
Не Бранденбургом — Бранным Бором.

Мы в Бранденбург вонзили клин.
В Берлине дикая тревога.
Из Бранденбурга на Берлин
Наикратчайшая дорога.

Фашисты в панике вопят,
Речь Геббельса — одна икота.
Берлинцы с ужасом глядят
На «Бранденбургские ворота»:

Здесь совершится вход гостей,
Гостей не жданных, не желанных!
От жутких фронтовых вестей
Мороз фашистов до костей
Всех пробирает, окаянных!

Как не напомнить гадам тут
О вое их зверино-лютом:
— Москва — капут! Москва — капут! —
Войска советские идут,
Грозя фашистам их «капутом»!

31/1—45

«CARTHAGINEM ESSE DELENDA!»¹

Алленштайн, Инстербург,
Торн, Гнезен, Оппельн, Глейвиц
не имеют ничего общего с обо-
роной советских границ. Этому
никто не поверит... Германии,
правда, приходилось вести вой-
ну за пределами своих собствен-
ных границ, но тем самым она
защищала своё бытие.

(«Фелькишер безбахтер» от 2/III

К нам доносится с вражьих газетных страниц
Вой фашистских присяжных словесных блудниц.
Наше им не по вкусу совсем поведение:

«Это не оборона советских границ,
Это — форменное нападение!

Немцы, правда, в чужие вторгались страны, —
Говорится в одной преподлейшей статье, —
Но у нас были самые мирные планы:
Этим мы защищали своё бытие!»

До какого бесстыдства дошли шарлатаны
В своем наглom, тупом, неуклюжем вранье!
Что выходит по их пониманию:

Немцы, вторгшись в Норвегию, в Грецию, в
Данию,

Защищали Германию!

¹ «Картагинем эссе делендам!» — «Карфаген должен быть разрушен!».

В Югославию вторглись немцы, в Албанию,
Защищая Германию!

Вот какую плетут эти гады канву:

Мол, затеяв провальный поход на Москву,
Белоруссию, всю Украину

Превративши в руину,

Сияясь Волгу, Кавказ захватить за компанию,
Немцы лишь... «защищали Германию!»

Но когда в их разбойное вторглись мы логово
Для суда, для возмездья разбойникам строгого,
Немцы лазаря гнусно поют:

— Кар-раул! В нашем доме нас бьют!

Разоряют исконное наше владение!

(Плачут немцы, для слёз нехватает слезниц,—)

Это — не оборона советских границ,

Это — форменное нападение!

Это — страшный потоп!

В нём потонет Европа!! —

(Для иных, потрафляющим немцам, особ
Эти вопли приятней любого сиропа!)

Немцы воют в расчёте кого-то «пугнуть»,
Затруднить клеветою победный наш путь,

Оттянуть как-нибудь

Час суровой расплаты.

Мы в Берлин пробиваемся. Время не ждёт.

Но мы скажем, с врагом не вступая в дебаты:

— Никого не обманете вы, супостаты!

Этот номер у вас не пройдёт!

Вы грозитесь, что тяжкие ваши утраты

Возместятся сторицей, что ваши солдаты

Вновь вернут вам все прежние ваши захваты.

Вы находите нужным про это трубить?

Потому-то в Берлин мы торопимся, веря,
Что фашистского зверя,
Захвативши Берлин, будет легче добить!
Зло живуче: его вырывать надо с корнем!
И мы так говорим о своей обороне:
Нам разбойник грозит? Мы разбойника вздёрнем
В его собственном, чёрном, разбойном притоне!

Карфаген был для римлян «опасный притон».
Был по-своему прав осторожный Катон,
Утверждавший упорно, коль верить легендам,
 Что «Картагинем эссэ делендам!»
От фашизма нельзя оставлять и следа:
 Его надо убить — навсегда,
Применив в этом деле испытанный метод:
Почву всю удалив, на которой возник
 Заразительный этот
 Фашистский гнойник!

ФАШИСТСКИЙ ВОЙ

Когда немчура, к нам ворвавшись нахально,
Вовлекла нас в войну,
Мысля нашу страну покорить моментально,
«Хайль Гитлер! Ура!»
Кричала тогда немчура.

Когда в древний Киев и в Новгород гордый,
В города, имена чьи нам святы и дороги,
Ворвались фашистские орды,
Наши лютые вороги,
«Хайль Гитлер! Ура!»
Вопила тогда немчура.

Когда, уступая напору «тевтонов»,
Мы лишились промышленных важных районов,
Когда — в дни тяжёлые эти —
Наши женщины, старцы и малые дети,
Зная, враг беспощаден, жесток,
Умножали поток
Несчастливых людей, уходивших стремительно
От врага на восток,
Когда ничего не осталось решительно
От домов их, всего их добра,
«До чего ж это всё хорошо! Восхитительно!
Хайль Гитлер! Ура!» —
Орала истошно тогда немчура.

Но вот — изменилась картина:
Могучий наш фронт у порога Берлина.
Немцы подняли вой,
Да какой!
Сотрясается воздух от воплей и стонов
Перепуганных насмерть «тевтонов»,
Словно видеть им страхи такие впервой:

«Вражеские армии стоят на немецкой земле.
Старинные немецкие города — в руках Советов.
За важнейшие районы Германии идут ожесточённые бои, и впереди наступающего врага движутся колонны беженцев. Это — не чуждые нам люди, а немцы... Это наши немецкие женщины и дети заполняют поезда, которые один за другим отправляются на запад. Это наши города объаты пожарами. Разрушается наше добро... Со времени Сталинграда мы научились реалистически мыслить... Мы теперь знаем, что война весьма серьёзное дело... Мы также знаем, что эта война не сравнима с нашими ходячими представлениями и фразами о войне».

(«Ди цайт» и «Дас шварце кор» от 1 и 2 февр.)

Похваляясь русских разбить моментально,
Немцы в плане своём просчитались фатально.
Нынче силятся спрятать они в грабеже
И в убийстве детей наторелые руки.
Покорители эти — после нашей науки —
«Реалистами» стали уже.
«Реалисты» вопят обалдело:
— Наших бьют! Наша гибнет страна! —
Вот оно! За живое проклятых задело,
Лишь теперь они поняли все, что «война

Оч-чень даже серьёзное дело!»
«Представление» было у них о войне:
Хороша, мол, война на чужой стороне,
А в своей — оч-чень больно война ощутима,
С «представленьем» о ней, мол, она несравнима!

В точном виде пред нами мораль дикарей:
Дикари не щадили чужих алтарей,
Но когда дикарей мы немецких прижали,
Дикари завизжали!
Завтра будут они и юлить, и скулить,
О пощаде молить,
Чтобы мы, к палачам преисполнившись жалости,
Им простили их глупые... шалости.
«Максов — Морицев» этих, в ком дух воровства
И жестокости — стержень всего естества,
Мы ударом решительным, грозным, могучим
Укротим и надолго отучим
От разбойного их... баловства!

ПОДЪЕМ «НЕМЕЦКОГО ДУХА»

В «угрожаемых районах Германии» учреждены специальные военно-полевые суды.

Немцы никнут, немцы киснут,
Их носы уныло виснут
И — для Гитлера сюрприз! —
Дух ушёл куда-то вниз.

Весь охваченный тревогой,
Геббельс тут как тут с подмогой:
Что-то надо предпринять,
Чтоб «немецкий дух» поднять.

От словесной пропаганды
У него распухли гланды
И язык набряк, набух.
Как поднять «немецкий дух»?

Геббельс, весь от страха потный,
Скорострельно-пулемётный
Новый в ход пустил приём:
— Дух немецкий, на подъём!

После зычной столь команды,
Пулемётной пропаганды,
Бросив трупы под лопух,
Вверх взвился «немецкий дух».

Геббельс видит сам отлично,
Сколь всё это символично,

Ну... В том волчья вся корысть:
Очувившись в ловушке,
Волки яростно друг дружке
Начинают глотки грызть!

21/II—45

ПОСТУПЬ ИСТОРИИ

1

Да здравствует победоносная
Красная Армия, героически
борющаяся за честь, свободу и
независимость нашего Отече-
ства против немецко-фашист-
ских захватчиков!

*(Призыв ЦК ВКП(б) к 26-й го-
довщине Красной Армии)*

Наш взор к минувшему мы обращаем году.
Наш фронт был вешнему подобен ледоходу,
Который сокрушал в погоду, в непогоду

Устой вражеской стены.

Клич боевой наш был: борьба за честь, свободу
И независимость своей родной страны!

2

Да здравствует победоносная
Красная Армия, армия-освобо-
дительница, изгнавшая немец-
ко-фашистских захватчиков с
советской земли и громящая
гитлеровские войска на терри-
тории Германии!

*(Призыв ЦК ВКП(б) к 27-й го-
довщине Красной Армии)*

И вот — во вражеской стране, не на пороге,
А в глубине её, с врагом мы сводим счёт.

Враг, нами в собственной настигнутый берлоге,
В предсмертной мечется тревоге:
От нас пощады он не ждёт.

И в нашем лозунге мы слышим — в каждом
слоге:

*То с огненным мечом, в судейской строгой тоге
Железной поступью История идёт!*

23/II—45

День Красной Армии

«НА БЕРЛИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ»

Войска 1-го Белорусского фронта, после месячной осады и упорных боёв, завершили разгром окружённой группировки противника и сегодня, 23 февраля, полностью овладели городом и крепостью Познань — стратегически важным узлом обороны немцев на Берлинском направлении.

(Приказ Верховного главнокомандующего)

Круша клыки во вражьей пасти,
Под Сталинградом и под Минском
Мечтали наши чудо-части
О «направлении Берлинском».

Что рисовалось в отдалении,
Теперь сбывается реально:
Нам о «Берлинском направлении»
Возвещено официально!

В предсмертных судорогах змеи
Шипят в гнезде своём змеином.
Дрожат фашистские злодеи
Пред русским фронтом-исполином.

Творцы побед, сыны отваги,
Слились в стремлении едином:
— Вперёд! Вперёд! Пусть наши флаги
Взовьются гордо над Берлином!

ТАКОВЫ ФАКТЫ!

«Наше роковое положение в центре Европы — неустранимый географический факт, о значении которого мы в период между летом 1940 г. и прошлогодним вторжением могли лишь смутно догадываться».

(Из последнего военного обзора генерала Дитмара)

Немцы лазаря поют:
В хвост и в гриву немцев бьют.
Это факт — *географический*.

— Нам уже добра не ждать! —
Дитмар стал так рассуждать.
Это факт — *биографический*.

Пробирает немцев страх:
Не сегодня-завтра — крах!
Это факт — *катастрофический*.

Мы, народ советский весь,
Сбили с немцев всю их спесь.
Факт — *всемирно-исторический!*

28/II—45

ФАШИСТСКАЯ «УТКА»?

По слухам, гаулейтер Восточной Пруссии Эрик Кох после попытки тайно скрыться из Кенигсберга был приговорен за дезертирство к смертной казни и повешен.

Десять дней назад берлинский корреспондент газеты «Нейе цюрхер цейтунг» сообщил, что Кох якобы обратился к немецким солдатам с призывом «сражаться, как краснокожие индейцы, как львы, быть коварными и стрелять до последнего патрона».

(Из газет)

Эрик Кох — нет твари гнойней! —
В Кёнигсберге «заскучал».
Для себя приют спокойней
Он давно уж намечал,

Но, держась бывшего тона,
Выл солдатам: — Оборона
Дух должна ваш закалять!
До последнего патрона
Вы обязаны стрелять!

Львом, индейцем краснокожим
Каждый должен быть из вас! —
Сам, по слухам, с правдой схожим,
Драпанул в удобный час.

Кёнигсберг был тем утешен
От окопов до квартир:
Кох, мол, пойман и повешен,
Как последний дезертир!

А под этими словами
Гитлер вывел сам рукой:
— Будет то ж со всеми вами
При оказии такой! —

Превратился Кох в агитку,
Стал острасткой для солдат,
За какую дёрнуть нитку
Нам клубок таких цитат?

Нет ли, вправду, здесь подвоха?
Кох, увидя, дело плохо,
В Аргентину держит путь,
В Кёнигсберге ж вместо Коха
Был повешен кто-нибудь!

13/III—45

ИСТОРИЯ НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ

Фридрих Великий был гением стойкости. Он предсказывал, что до окончательной развязки Семилетней войны придётся немцам подвергнуться страшным испытаниям, однако после развязки небо вновь прояснится и засияет солнце. Ни от чего не следует приходить в отчаяние.

(Из геббельсовских вещаний)

Немцы скачут на погосте,
Оседлавши мертвеца.
В каждой речи, в каждом тосте —
Фридрих, Фридрих без конца!

Вот образчик-де всем воинам:
Мрак, провал, и вдруг — заря!
Немцы Фридрихом покойным,
Королём весьма разбойным,
Утешаются не зря.

Впрямь, он лёгок на помине:
Как при Фридрихе, и ныне
Снова русские войска
Водрузят свой флаг в Берлине.
Параллель на вид близка.

Есть, однако, оговорка:
Как там Гитлер ни верти,

А ему себе отнорка
Для спасенья не найти!

Параллель не повторится.
Коронованного «Фрица»
Мы совсем загнали в щель,
«Фриц» тонул, как говорится,
Но голштинская мокрица ¹
Извлекла его на мель.

Мы ж, союзники, не все ли
Точный смысл победной цели,
Подтвердили в феврале?
Не помогут немцам трели
О «великом» короле!

Глупость прёт из этих трелей.
В том для немцев вся беда:
Совершенных параллелей
Мир не видел никогда!

25/III—45

¹ Пётр III.

ЗАПЛЕТАЮЩИМСЯ ЯЗЫКОМ...

«Заключительная фаза войны будет, как и всегда, самой тяжёлой. Час, предшествующий восходу солнца, бывает всегда самым тёмным часом ночи. Глубокий мрак предшествует приближающемуся утру. Но никто не должен опасаться того, что оно забудет наступить».

(Из статьи Геббельса «Борцы за вечную империю»)

Как эти выклики смешны,
Как дико слышать эту фразу
Про заключительную фазу
Уже проигранной войны!

Чем не «пророческое» слово
В завёрстку прочих ахиней:
«Перед восходом солнца — ново! —
Бывает ночь всегда темней».

Гнус окунулся в Брамапутру¹
И провещал фашистам так:
«Окутал нас глубокий мрак,
Но мрак, предшествующий утру!

Не поддавайтесь же кручине.
Оно придёт. Не может быть,
Чтоб по какой-нибудь причине
Оно забыло наступить!

¹ Священная река индусов.

Глаголю вам: век скоротечный...»
Да, Геббельс плох. В свой час конечный
Святошей сделался бандит,
В фашистский рейх загробный, «вечный»
Глазами мутными глядит.

Ему б хотелось смерть отсрочить.
О ней он думать не привык.
Он что-то пробует «пророчить»,
Но заплетается язык.

Крах! Всё идёт к его кончине.
Наступит смерть. «Не может быть,
Чтоб по какой-нибудь причине
Она забыла наступить!»

8/IV—45

ПЕРВОКЛАССНЫЙ ИНСТРУМЕНТ

Мы с корнем вырвали «восточно-пруссский клык»,
Иль Кёнигсберг, сказать иначе.
Его принудили мы к сдаче.
Фашисты все кричат на крик,
Не ждали-де подобной вещи!

Как ни были крепки
Фашистские клыки,
Но оказались покрепче наши клещи,
В наипаснейший момент
Врага разивший и по праву
Всемирную стяжавший славу
Наш первоклассный инструмент!

«НЕТУ ФЮРЕРА ПОРТРЕТА НА СТЕНЕ!»

Малодушных людей мы должны взять на прицел так же, как и тех трусов, у которых в сердце изгладился образ фюрера, а на стене их комнаты нет его портрета.

*(Из берлинской радиосеседы
Ш.мидта-Деккера)*

Фриц и Мориц выли оба
На весь свет:
— Верность фюреру до гроба —
Наш завет!

Оба шнапс в себя качали
И коктейль.
Речи Гитлера встречали
Рёвом — Хейль! —

Липли к каждой телеграмме
О войне.
Красовался Гитлер в раме
На стене.

Повторяли Фриц и Мориц,
Как урок:
— Фюрер — маг и чудотворец,
Он — пророк,

Золотые нам пророчит
Времена.

Нашу власть навек упрочит
Блиц-война!

Но неладно вышло с «блицем»
«Блиц» надул.
Завопили Мориц с Фрицем:
— Кар-р-ра-ул!

А когда война к Берлину
Подошла,
Оба стали корчить мину:
— Дрянь — дела!

Поумнеть нам не пора ли? —
И — умны —
Рожу Гитлера убрали
Со стены.

К ним при этой тайной сценке
Шпик подсел.
Взяли их, поставив к стенке,
«На прицел»!

— Вашу стойкость мы удвоим,
Шантрапа! —
Просверлили им обоим
Черепу!

Приключилась казнь им эта
По вине:
«Нету фюрера портрета
На стене!»

ОКРУЖЕННЫЙ БЕРЛИН

Был день — фашистские болваны
Свои раскрыли нагло планы:
— Захват Москвы — вот наша цель!
Уж мы устроим русским Канны¹,
Каких не видел мир досель! —

И вот — волшебная картина!
Какой случился камуфлет!
Мы доказали, что Берлина
На свете «каннистее» нет!

Где Гитлер? В страхе небывалом
Дрожит в Берлине под обвалом?
Успел ли ноги унести?
С фашистским этим «ганнибалом»
Охота счёты нам свести.

25/IV—45

¹ К а н н ы — город в древней Италии, возле которого римское войско, попавшее в окружение, было начисто уничтожено Ганнибалом.

**СЛАВА НАШЕМУ НАРОДУ!
СЛАВА НАШЕМУ ВОЖДЮ!**

1

«Сорок первый», чёрный год.
Гитлер ринулся в поход.
— Я, — кричит, — Наполеон!
Из России душу вон!
Смерть советской всей стране!—
Гитлер скачет на коне.
Осрамившись под Москвой,
Гитлер поднял шалый вой:
— Чтобы я да чтобы мы!..
Вся беда из-за зимы! —

2

Год настал «сорок второй».
Воздух был весной — сырой,
Летом — страшная жара.
Гитлер скачет от Днепра
К Дону, к Волге... Тут он, гад,
Лоб расшиб о Сталинград!
Распоролися все швы!
Конь лишился головы!
Дать пришлось задний ход!

3

«Сорок третий» год идёт.
Потеряв Кавказ, Кубань,
Видит Гитлер: дело — дрянь.

Но орёт:—Своё возьму! —
Тут мы всыпали ему,
Дали жару под Орлом!
Вот был немцам костолом!
Уж не едет Гитлер вскачь.
У него дела, хоть плачь:
После нашего огня
Лишь осталось полконя!

4

На четвёртый год войны
Гад не чувствовал спины
И не чувствовал боков,
Весь распух от синяков.
Ленинград его ушиб.
Чуть под Минском не погиб.
Тут— «котёл», а там — разгром.
Очутился за Днестром.
Из России — псу урок!—
Еле ноги уволок.
И Дунай уж позади.
Будапешт трещит, гляди,
Польша вся — была, сплыла.
А уж в Пруссии дела!..
От коня осталась треть,
Просто не на что смотреть!

5

«Сорок пятый» год. Ура!
Гитлер ищет, где нора.
Жмут его и там и тут.
Палачу пришёл капут.

Проиграл войну, прохвост!
От коня остался хвост.
Не осталось и хвоста!
Мы — в Берлине! Красота!
Отстояли мы свободу!
Красный май сулит погоду
К урожайному дождю.
Слава нашему народу!
Слава нашему вождю!

I/V—45

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Вождю, бойцам, стране родной,
Народу, вставшему за Родину стеной,
Поём восторженно мы славу!
Победа куплена великою ценой.
Враг не осилил нас преступною войной,
И отстояли мы Советскую державу!

Враг сломлен: сокрушён его военный пресс,
Посрамлена его военная кичливость.
Победу празднуют гуманность и прогресс
И мировая справедливость!

Как радостно звенят сегодня голоса!
Как солнце щедро шлёт в столице, в сёлах,
всюду,
Весенний яркий свет восторженному люду!
Победный алый стяг взметнувши в небеса,
Ликует Родина. Живой воды роса
Упала на её поля, луга, леса.

Победной гордостью полны — её обличье,
Её могучая краса,
Её суровое величье!
Как многоцветен, как богат её убор!
В победно-радостный, единый, братский хор
Слилось народностей её многоязычье!

Былинным нашим кузнецам,
Ковавшим мощную броню родным бойцам, —
Волшебную броню по ковке и по сплаву, —
Душевной красоте советских матерей,
Вскормивших сыновей — бойцов-богатырей,
Чьей бранной доблестью гордимся мы по праву, —
Народным подвигам в работе и войне,
Вождю народному и всей родной стране
Мы возглашаем гордо славу!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Орлята. Героическая повесть	3
Наши дети. Повесть	9
Дочурка	16
Мечь. Легенда	17
Бойцы за Родину, вам равных не найти!	20
Волк-моралист. Басня	22
Салют Москвы	24
Кинжал	25
Над Харьковом взвилось родное наше знамя	26
Звёзды вечной славы	27
За нами — Родина стоит!	28
Советской боевой технике — слава!	30
Доверчивый кум. Басня	32
Героям	34
Фашистское «сверхорудие»	35
По гостю — встреча. Басня	37
Привет вождя и всей страны!	39
Салют победителям	40
Освободителям Полтавы	41
Богатырская переправа	42
Родина	43
Рад отечеству служить!	46
Памяти бойца (Е. М. Ярославского)	48
Немецкая «рождественская ёлка»	49
Всё, что осталось от Фрица	50
Геббельсовские изречения	52
Подарок столицы	55
Встреча	57
Героям освобождённого Донбасса	58
«Разлука ты, разлука!»	60
Предзнаменование	63
Ленин — с нами!	65
Расплата	66

Обиженный вор. Басня	69
Фашистские «ангелочки»	71
Восстановительная работа	74
Победная годовщина Сталинграда	75
Великая советская держава	76
Привет Одессе!	77
Одесса	78
В Крыму	79
Почему им трудно?	80
Советские курорты	81
Освободителям	82
Кавалерийская атака	83
Дух великих предков	84
Наука побеждать!	85
Граница Родины	87
Победоносный путь	89
Испытанный приём	91
Защитникам Родины первомайский привет!	93
Подвиг.	95
Словам Вождя восторженно внимая...	96
Народным героиням	98
Боевой призыв	99
Народный привет!	101
«Поднажмём!»	103
Страшнее нет суда.	105
Отрадно сознавать.	106
В летний день на реке.	109
Хозяин. Повесть.	103
Жила-была собака	125
Слава Родине нашей прекрасной...	128
Крысы тонущего корабля	129
Перед сигналом	121
Змеиная природа. Басня	133
За советское Отечество!	134
Неизлечимо больной...	135
Шулера. Басня.	137
Последняя ставка...	138
«Танец смерти».	139
Новый год 1945-й	142
Русь	143
Ленин—Сталин	144
Москва — Варшаве	146

Боевая-фронтная	148
«День салютов!»	150
Врага пощадить — в беду угодить. Басня	151
Резонный ответ. Басня	153
Немецкое неудобство	154
С той и с этой стороны	156
«Померанцы»	157
«Блуждающие котлы»	158
Бранденбург.	160
«Carthaginem esse delendam!»	161
Фашистский вой	164
Подъём немецкого духа»	167
Поступь Истории	169
«На Берлинском направлении»	171
Таковы факты	172
Фашистская «утка»?	173
История не повторяется	175
Заплетающимся языком	177
Первоклассный инструмент	179
«Нету фюрера портрета на стене!»	180
Окружённый Берлин	182
Слава нашему народу! Слава нашему вождю!	183
Праздник Победы	186

Редактор П. Чагин

*

Технический редактор О. Чеботарева

*

*Подписано к печати 1/VI 1945 г.
А 13104. Тираж 25000 экз. 6 печ. л.
Зак. № 831. Цена 3 руб.*

*

*3-я типография «Красный пролетарий»
треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР.
Москва, Краснопролетарская, 16.*

3 руб.